

Матвей Кузьмич Любавский

Русская колонизация

Серия «Собирая империю»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8961228
Матвей Любавский. Русская колонизация: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0918-2

Аннотация

Российская империя создавалась веками. Где-то она прирастала войнами, как это было со Средней Азией, где-то договоренностями (Украина), а где-то и добровольным вхождением (Грузия). В советское время тема российской колонизации практически не поднималась в исторической науке. «Российский империализм» представлялся таким же негативным явлением, как и любой другой «империализм», а если уж и приходилось сквозь зубы говорить о колониальной политике Российской империи, то тут не жалели черных красок.

Только сегодня выходят из забвения имена великих русских историков, изучавших и систематизировавших информацию о том, как росла и ширилась наша страна, какие блага она принесла всем без исключения народам на своей территории.

Один из них – это Матвей Любавский, последний дореволюционный ректор Московского университета. Он стал автором множества публикаций и исследований, посвященных созидательным аспектам российской колониальной политики. К сожалению, именно за это ему и пришлось поплатиться: в 30-е годы Любавский умер в ссылке.

В своей самой знаменитой работе «Русская колонизация» Любавский впервые в российской исторической науке дает широкую картину роста и становления Российской империи на протяжении всего ее существования со времен Киевской Руси и до начала XX века.

Содержание

Введение	5
I. Область расселения славян в восточной Европе к концу IX и началу X в.	9
II. Новые кочевники в южных степях России в конце IX, X и XI вв	13
III. Сокращение территории славянской оседлости на юге России и расширение ее на севере	16
IV. Степь и лес в начальные времена русской колонизации	21
V. Южные пределы русской оседлости в XII и в начале XIII в.	29
Бродники	
VI. Внутреннее размещение русского населения в XII и начале XIII в.	34
VII. Влияние промыслов на размещение русского населения в древнейшее время и типы древнерусских селений	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Матвей Любавский

Русская колонизация

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

* * *

Введение

Задачи исторической географии России; необходимость ее изучения в связи с историей русской колонизации. Разбросанность населения по обширной территории как основной вопрос этой истории, высокий теоретический и жизненный интерес, связанный с его изучением.

Изложение исторической географии России по самому существу дела необходимо связывается с историей колонизации нашей страны русским народом. Предметом этой науки являются: территория, которую занимал русский народ в разное время, размещение на ней населения, его состав, политические деления, промышленные занятия и т. д.

Но как создавалась народно-государственная территория России? Главным образом, путем расселения славяно-русского народа. Россия в настоящее время занимает громадную территорию в 400 с лишком тысяч квадратных миль. В составе этой территории на долю областей, приобретение которых можно отнести на счет простого завоевания, приходится только около 40 тыс. кв. миль, т. е. 10 % всей территории. Такими завоеванными областями были: Финляндия, Остзейский край, Литва и Польша в тесных этнографических пределах, Закавказье и южная половина русского Туркестана. Вся остальная территория сделалась достоянием русского народа главным образом вследствие его расселения по ней. Это не значит, конечно, что в данном случае не было борьбы. Борьба была, и даже иногда упорная и жестокая, как, например, в южных степях Европейской России, где русскому народу, можно сказать, каждую пядь земли приходилось поливать своей и вражеской кровью. Но при всем этом только колонизация, только заселение давали русскому народу победу и утверждали за ним прочно занимаемую территорию. Много земель, несомненно, занято было русским народом и без борьбы, вследствие того, что эти земли не имели населения или, если и имели, то чрезвычайно редкое и малочисленное, не оказывавшее сопротивления русским пришельцам и обыкновенно отступавшее перед ними. Таким мирным путем, по всем признакам, занято было много земель в северной половине Европейской России и отчасти в Сибири.

В истории колонизации надо искать объяснения и политических делений Руси в разное время. Современная наука не может выводить политических делений Руси исключительно из размножения и семейных разделов правящих династий. Княжения возникали на почве уже существующих делений на «земли» и их части, а это последнее, очевидно, создавалось особым распределением населения по стране, особой группировкой его. Исторической географии приходится констатировать такую смену политических центров, упадок старых и появление новых, в связи с общим политическим усилением той или другой части Руси. Объяснение всему этому приходится искать в перемещении населения в стране, т. е. в той же истории русской колонизации. Эта же история дает объяснение и разнообразию экономической деятельности русского народа в течение его истории, ибо многое тут зависело от занятия новых стран, с новыми видами естественных богатств. Наконец, и племенное разнообразие населения России во многом уясняется из истории расселения русского народа; эта этнографическая пестрота более чем 100 племен в значительной части объясняется тем, что русское население распространилось по землям, уже занятым другими народностями.

Таковы внешние соображения, которые заставляют связать историческую географию с историей колонизации.

Но еще важнее соображения внутреннего свойства, которые заставляют изложение исторической географии России поставить в тесную связь с изложением истории русской колонизации. Эти соображения вытекают из понятия о самой научной задаче исторической географии. Прекрасное определение этой задачи дал покойный академик Майков в своей

рецензии на известную книгу Барсова «Очерки исторической географии России». «Историческая география, – говорит он, – неизбежно должна выйти за пределы простого описания и, пользуясь разнообразным материалом общего землеведения, должна показать влияние внешней природы на развитие человечества или отдельных особей его – народов. Она должна обнаруживать, насколько жизнь людей в известной стране подвергалась действию общих географических условий последней и насколько эти условия способствовали там развитию социальности или же послужили препятствием для развития народной цивилизации. Вместе с этим, историческая география должна изобразить и воздействие человека на природу, его борьбу с ней, формы этой борьбы, т. е. разные виды культуры, которой человек подвергает окружающие его органические и неорганические тела и, наконец, результаты этой борьбы для населения. Таковы идеальные задачи исторической географии. Только ими освещается труд историко-географа, и, чуждаясь их, его исследование утрачивает в значительной мере свои главнейшие цели»¹. К этому можно добавить разве только то, что выяснение влияния внешней природы на человека является преимущественной задачей исторической географии. Современный человек значительно уже эмансипировался от прямого влияния внешней природы, что в нем не всегда заметно. Многие в жизни современных народов является уже результатом истории, культуры. В прошлом же их прямое влияние окружающей природы выступает с большей силой и очевидностью.

Указанная задача исторической географии в отношении России выполняется лучше всего именно изложением истории русской колонизации. Эта история дает множество ярких иллюстраций и доказательств могучего влияния внешних природных условий на склад и ход русской народной жизни, на развитие культуры и гражданственности. Но, с другой стороны, изучение этой истории предохраняет от всяких глазомерных и суммарных обобщений по этой части, ибо обнаруживает, что русский народ только медленно и в течение долгих веков занял свою теперешнюю страну, а следовательно, не всегда и не в одинаковой степени подвергался влиянию всех ее разнообразных природных условий. Можно сказать поэтому, что преподавание исторической географии России тесно и необходимо связывается с изложением истории русской колонизации и что только в этом направлении и можно выдвинуть достаточно все научные элементы этой дисциплины.

Главным, основным вопросом, на который ответ должна дать история русской колонизации, является вопрос о том, как и почему русский народ разбросался в Восточной Европе и северной Азии – на территории, далеко не соответствующей его численности.

Несоответствие между величиной территории и количеством населения России и в настоящее время – факт, резко бросающийся в глаза. В то время как в Западной Европе мы видим государства с населением в 5000 человек на кв. милю (Германия), в 6000 (Италия), в 7000 (Англия) и даже в 13 000 (Бельгия), в России на кв. милю приходится только около 325 человек, принимая население России круглым счетом в 130 миллионов. Даже в Европейской России, которая составляет основную часть империи, на одну кв. милю приходится только с небольшим 1000 человек. В России много еще земель, способных прокормить более густое население, много земель пустых, частью негодных, а частью годных под культуру. В прошлом это несоответствие было, несомненно, еще большим, если мы примем во внимание, в какой прогрессии возрастало население до настоящего времени. По исчислениям П. Н. Милюкова, русское население петровской Руси в пять с лишком раз было меньше количества того населения, которое живет в настоящее время на территории петровской Руси. Мы не имеем сколько-нибудь определенных сведений о количестве населения в старой, допетровской Руси. Но все частные указания источников, все общие впечатления иностранцев гово-

¹ Майков Л. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Исследование Н. П. Барсова // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 174. С. 250–251.

рят нам, что Русь и до Петра была обширной страной с чрезвычайно разбросанным населением.

Какое же влияние оказывал в прошлом и оказывает в настоящем этот факт на жизнь русского народа? Нельзя не признать, что разбросанность населения России была и продолжает быть сильным тормозом в ее культурном развитии, в экономическом, умственном и гражданском преуспевании. Разбросанность населения по обширной стране, даже при современных путях сообщения, является большой помехой для развития экономического благосостояния этого населения. При разбросанности жителей затрудняется обмен продуктами производства. В общем, и товаров оттого производится меньше, и потребление их идет слабее, чем это может быть у того же населения на меньшей территории. Экономическая жизнь при разбросанности населения идет всегда вялым темпом. Туго подвигается при этом специализация, разделение труда в обществе, служащее необходимым условием и вместе показателем промышленного прогресса. Обширность территории и другим путем, так сказать, косвенно, оказывает задержку развитию народного благосостояния. Эта обширность возлагает на народ лишние тяжести по содержанию обороны, управления, путей сообщения и т. д. Лишние средства, которые идут на все это, могли бы или не собираться совсем с народа и идти на удовлетворение его нужд, накапливаться в народном капитале и двигать далее промышленное развитие страны, или же через руки казны идти на разные полезные учреждения для народа, которые прямо или косвенно увеличивают материальное благосостояние народной массы. Мы в этом отношении самый несчастный народ. Возьмем, например, содержание военных сил, необходимых для обороны страны извне, почтовых учреждений, судебной администрации, полиции и других. Разбросанность русского населения прямо и непосредственно отзывается в неблагоприятную сторону на его умственном развитии. Масса русских людей, живя в селениях, удаленных друг от друга на большие расстояния, притом большей частью немногочисленных, имея сравнительно мало общения с жителями других селений, довольствуется главным образом тем скудным запасом опыта, наблюдений, знаний и идей, который составляет духовное достояние данной местности. Чрезвычайно медленно при этом и с большим трудом усваиваются идеи и знания со стороны. В общем, благодаря всему этому умственное развитие и творчество народной массы подвигается вперед медленно, почти неуловимо для наблюдения, которое очень часто остается при впечатлении полной умственной косности и неподвижности русской народной массы.

Благодаря разбросанности населения в нашей стране с большим трудом насаждался гражданский порядок, медленно и туго устанавливалась общественная безопасность и благоустройство, слабо развивалась законность. На просторе долгое время господствовала и господствует у нас грубая сила и всяческий произвол отдельных сильных лиц или частных сообществ. Стоит, например, припомнить разбои, подвиги казачества в степях и «удалой вольницы» на реках южной России, произвол и злоупотребления администрации в местах, где, по народному выражению, «до Бога высоко, а до царя далеко», чтобы убедиться в справедливости высказанного положения. Конечно, нельзя все в данном случае относить на счет непомерной величины территории и разбросанности населения. Но, во всяком случае, эта разбросанность была и есть одной из главных задержек гражданского прогресса в нашей стране.

На долю этой же разбросанности надо отнести и недостаточное развитие общественной самостоятельности в широких слоях населения. Общественная самостоятельность развивается успешно только в условиях более или менее тесного общежития, при которых люди постоянно сталкиваются друг с другом, имеют случай постоянно и наглядно убеждаться, как переплетены их взаимные интересы, как благосостояние всех и каждого зависит от общего согласия, от общих дружных усилий на общую пользу. Но история слишком долго разъединяла русских людей пространством, слишком долго заставляла жить и действовать разрозненно

или в мелких общественных группах, чтобы в русском народе могла развиваться в достаточной степени общественная самодеятельность. Общественные симпатии и стремления охватывают у нас преимущественно высшие, культурные слои населения. Их пробудило западноевропейское просвещение, распространявшееся у нас два последних века. Но народная масса сравнительно слабо задета ими. В этом, несомненно, сказываются недостатки нашего исторического воспитания.

При объяснении этих недостатков указывают нередко на вековую опеку и стеснения самодеятельности общества со стороны государственной власти. Но историки, останавливавшиеся над вопросом о происхождении и развитии русского государственного абсолютизма, справедливо указывают, что этот абсолютизм, в сущности, есть произведение той же причины, которой произведены и вышеуказанные явления, в связи, конечно, с напряженной военной деятельностью русского народа. Центральная власть на Руси потому и достигла непомерного развития, что ей пришлось иметь дело с разреженной и потому податливой народной массой и почти всецело взять на себя заботы и попечения об общем благе, об общих интересах. Таким образом, и наша государственная форма, сделавшаяся, впрочем, теперь достоянием истории, явилась порождением вышеуказанных условий русской собственности, только распространяла и усиливала их действие на эту общественность.

Но если разбросанность русского населения по обширной территории является таким сильным тормозом в его культурном развитии, то чрезвычайно важно уяснить, как создавалось такое положение вещей, что заставило русский народ так распространиться, так разбрестись розно по необъятной территории. Ведь это, в сущности, кардинальный вопрос в нашей истории, и ответ на него должна дать история русской колонизации. Таким образом, и со стороны внешней, и со стороны внутренней и историко-социологической точек зрения изложение истории русской колонизации является необходимым и удобным в курсе исторической географии..

I. Область расселения славян в восточной Европе к концу IX и началу X в.

Данные Начальной летописи о расселении племен в нашей стране к концу IX в. Неполнота этих данных, известия арабских писателей IX–X вв. (Аль-Баладури, Мосуди) о славянском населении на Дону и нижней Волге; данные о том же географической номенклатуры; следы ранних славянских поселений на нижней Кубани. Известия Константина Багрянородного и Баварского географа IX в., подтверждающие сообщения нашей летописи. Общая оценка данных Начальной летописи. Отношения славян к хазарам как одна из причин широкого распространения славянской колонизации на юге России в VII–IX вв.

Картину древнейшего расселения славян в Восточной Европе на памяти истории дает нам наша Начальная летопись.

Свое изложение истории русской колонизации мы должны поэтому начать с рассмотрения этой картины и попытаться определить, в какой мере она верна и полна для того времени, к которому приурочивается, т. е. ко времени политического объединения восточного славянства около Киева.

Рассказывая о расселении славян с Дуная в разные стороны, автор «Повести временных лет» говорит между прочим: «Такоже и ти словени пришедше и седоша по Днепру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне зане седоша в лесах, а друзии седоша межью Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речки ради, яже втечет в Двину, именем Полота... Словени же седоша около Ильменя, и прозвашася своим именем и сделаша град и нарекоша и Новгород; а друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле, и нарекошася Север»².

Затем, перечисляя славянские племена, населявшие нашу страну, автор «Повести» называет Кривичей, «иже сядят на верх Волги и на верх Двины и на верх Днепра», Бужан, которые прозвались этим именем, «зане седоша по Бугу, после же Воляныне», Радимичей, севших по Сожу, Вятичей, которые сели по Оке, Хорватов, Дулебов, которые сели по Бугу, «где ныне Воляныне». «А Оуличии Тиверцы, – говорит летописец, – сядяху по Днестру, присядяху к Дунаеви, бе множество их, сядяху бо по Днестру оли до моря, [и] суть гради их до сего дне, да то ся зваху от Грек Великая Скуфь»³. По другому варианту: «А Уличи, Тиверцы сядяху по Бугу и по Днестру и пристодяху к Дунаеви: и бе множество их, сядяху бо по Бугу и по Днепру до моря».

По этим общим контурам, набросанным Начальной летописью, получается такая картина расселения славян по нашей стране: славяне расселились по бассейнам Днестра, Западного и Южного Буга, Днепра и его правых притоков и из левых: Сожи, Десны и Сулы; верхней Волги и Оки, верхней и средней Западной Двины и озера Ильменя. Славянская колонизация не захватывает бассейна нижнего Днепра (на левой стороне от Сулы включительно), бассейна Дона, нижней Оки, где, по словам «Повести временных лет», сидит Муром, «язык свой», бассейна средней Волги, приблизительно от впадения Тиверцы, ибо дальше, по словам «Повести», расположены «инии языци»: весь, меря. Весь север не охвачен еще славянской колонизацией: «в странах полунощных» живут чудь, пермь, печора, югра, самоедь⁴.

В какой же степени эта картина расселения славян по нашей стране верна действительности? Для правильной оценки необходимо принять во внимание, что она нарисована

² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРА). Лаврентьевская летопись. СПб., 1846. Т. I. С. 3.

³ Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. СПб., 1846. Т. I. С. 5.

⁴ Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. СПб., 1846. Т. I. С. 15.

не современником, жившим в конце IX или начале X в., а человеком, жившим лет на полтора позднее, когда распределение славянского населения в нашей стране могло значительно измениться. Составитель «Повести» знает уже половцев; он современник зависимости хазар от русских князей, а это приходится на промежуток времени между 1036 г., когда Ярослав наголову разбил печенегов и очистил от них Хазарию, и 1061 г., когда половцы завладели страной хазар.

У нас есть несомненные данные, что нарисованная им картина расселения славян в Восточной Европе не совсем полна для VII–X вв.

Арабский писатель Аль-Баладури, писавший в 60-х гг. IX столетия, рассказывает про сирийского вождя Марвана, что он, вступив в Хазарию, вывел оттуда 20 000 оседлых славян⁵. Хотя этот факт имел место в половине VIII в., но все ученые, изучавшие произведения Аль-Баладури, не сомневаются в достоверности его сообщения. Между тем известно, что Хазария занимала область рек Дона и нижней Волги. Стало быть, и славяне были уведены отсюда.

Другой арабский писатель, Табари, рассказывая о том же самом факте, говорит, что Марван в погоне за каганом хазарским, вступив в его землю, расположился на славянской реке и здесь напал на неверных, перебил их и разрушил около 20 000 домов⁶.

Мосуди, живший во второй половине X в., славянской рекой в Хазарии называет Дон. «Между большими и известными реками, – говорит он, – изливающимися в море Понтус, находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера. Берега ее обитаемы и многочисленным народом славянским, и другими народами, углубленными в северных краях»⁷. Славяне, по словам Масуди, жили даже в столице Хазарии и служили в войске и при дворе кагана. «Руссы же и славяне, о которых мы сказали, что они язычники, составляют войско царя и его прислугу»⁸.

Итак, в область славянских поселений в VIII–X вв. входил и бассейн р. Дона.

Этим, по всей вероятности, объясняются и многочисленные славянские названия рек его системы: Уды, Сольница, Оскол, Красная, Боромля, Ольховата, Лугань – притоки Донца; Красивая Меча, Быстрая Сосна, Медведица, Иловля – притоки Дона. Эти названия встречаются уже и в летописях, и в других памятниках до XV в., т. е. гораздо ранее позднейшей колонизации Дона, и следовательно, давнего происхождения⁹.

Из области Дона славянское население передвинулось отчасти на юг, к устью Кубани, где позднее является Тьмутараканское княжество. Следы славянских поселений в этой местности обозначаются уже в начале X в. По словам Льва Диакона, Цимисхий посылал напомнить Святославу о поражении его отца Игоря, который устремился на Царь-град с несметными силами и «только с 10 кораблями возвратился в Боспор Киммерийский».

Но Боспором Киммерийским назывался Керченский пролив, т. е. то место, около которого находилось позднейшее Тьмутараканское княжество. Игорь направился сюда, очевидно, потому, что надеялся найти здесь приют у местного населения, которое ему было подвластно или родственно подвластному ему населению.

⁵ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб., 1870. С. 38.

⁶ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб., 1870. С. 76.

⁷ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб., 1870. С. 140.

⁸ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб., 1870. С. 130.

⁹ Срезневский П. П. Русское население степей и южного Поморья в XI–XIV вв. // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. 1860. Т. 8. С. 316–318.

За этими исключениями, картину расселения славян, начертанную для конца IX и начала X в. составителем сказания о начале Руси, можно признать правильной. Эта картина подтверждается теми частичными данными, разбросанными в равных местах летописи и иноземными свидетельствами ближайшего к рассматриваемому времени.

По летописи мы встречаемся с разными славянскими городами в пределах той территории, которая была очерчена составителем «Повести» как область славянской оседлости. Таковы: Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск, Любеч, Киев, Чернигов, Переяславль, Ростов, Муром.

Константин Багрянородный (ум. в 959 г.) в своем сочинении «Об управлении империей», в известном рассказе о торговле руссов в Константинополе перечисляет те же города: Киев (Κιόβα), Новгород (Νεμογαρδάς), Смоленск (Μηλνίσκα), Любеч (Γελοῦτζα), Чернигов (Τζερνιγώγα), Вышгород (Βονδεγυράγε), и отчасти те же имена: древлян (Βαρβιανοί), дреговичей (Δρουγουβιτοί), кривичей (Κριβιτσοί), северян (Ζερριτοί) и славян¹⁰. Все эти данные относятся к первым десятилетиям X в. Но еще ранее того, от последних десятилетий IX в., мы имеем известия от анонимного географа, по месту нахождения его рукописи названного Баварским, – известия, которые также во многом подтверждают нашего автора «Повести временных лет». Он говорит о буфанах (Busani), волынянах (Velanzani), северянах (Zuireani), уличах (Ulici), неопределенно указывая на место их жительства к северу от Дуная и на количество их городов.

Эти данные утверждают нас в мысли, что составитель «Повести временных лет» более или менее правильно обозначил племенной состав восточного славянства.

А известия Константина Багрянородного до некоторой степени подтверждают и саму картину расселения, нарисованную «Повестью временных лет». Итак, «Повесть временных лет» дает нам верную, но неполную картину расселения славян в Восточной Европе к началу X в., несколько уменьшая успехи славянской колонизации к этому моменту. Произошло это оттого, что к тому времени, когда составлялась «Повесть временных лет», область славянских поселений на юге нашей страны значительно уменьшилась в своем объеме, и составитель «Повести» по неведению перенес в прошлое то, что было в его время. Вообще же, как увидим, распределение славянского населения в Восточной Европе в течение X и XI вв. подвергалось значительным изменениям, по сравнению с веком IX и предшествующими.

Успехи славянской колонизации в южной степной области нашей страны стояли не только в связи с очищением нашего юга от кочевников, но и с отношениями, установившимися у славян к хазарам.

Продвинувшись к хазарам, славяне стали селиться в их области, становились данниками и воинами кагана хазарского. Поэтому неудивительно, если мы, по известиям арабских писателей, встречаем славян в Хазарии.

Известия арабов подтверждаются и Баварским географом IX в., который констатирует существование в Хазарии ста городов. Но мы знаем, что хазары были кочевым народом, следовательно, города эти были населены не ими, а другими племенами, преимущественно, вероятно, славянами.

В состав хазарской державы, судя по известиям нашей местности, вошли все вообще славянские племена, расселившиеся по южным областям нашей страны: поляне, радимичи, варяги, северяне. Нам кажется совершенно справедливым утверждение профессора Киевского университета П. Голубовского, что славянская колонизация распространялась на юге нашей страны под покровительством хазар, что хазарская держава была своего рода оплотом славянства со стороны Азии, откуда рвались в нашу страну хищные орды кочевников.

¹⁰ Константин Багрянородный. «О фемах» и «О народах». М., 1899. С. 70–71.

Развившаяся в Хазарии торговля с арабами и постоянная борьба хазар с восточными соседями мирно настроили хазар по отношению к славянам нашего юга. Славяне высылали на хазарский рынок свое сырье для сбыта на Восток, причем каган брал себе десятину от всех товаров. Славяне же, как мы и видели, составляли и войско его.

II. Новые кочевники в южных степях России в конце IX, X и XI вв

Известия Константина Багрянородного и Регинона о движении через южные степи России венгров и печенегов в конце IX в. Область, занятая печенегами на юге России в X в. Отношения их к славянам; борьба с ними русских князей и постройка укреплений. Передвижение большей части печенегов в пределы византийской империи при Ярославе под напором узов. Местожительство узов, по известиям Константина Багрянородного и Масуди. Тождество узов с торками нашей летописи. Передвижение их на место печенегов и борьба с ними русских князей. (Поход Ярославичей 1060 г.) Гибель большей части торков; остатки в Приднепровье. Появление половцев, или куманов, в 1061 г. в Приднепровье. Их постоянные набеги на русских славян. Взаимное родство печенегов, торков и половцев как различных ветвей одного и того же племени – тюркского.

Спокойствие нашего юга, установившееся с распространением здесь владычества хазар, стало нарушаться в IX в. sporadически, а в X постоянно, вследствие вторжения в наши южные степи кочевников. Это обстоятельство повлекло к крупным переменам в размещении здесь славянского населения, которые занесены и в нашу Начальную летопись.

Константин Багрянородный в своем сочинении: «Об управлении империей»¹¹, написанном около 948 г., рассказывает, что лет 50 или 55 тому назад, т. е. в конце IX в., хазары, соединившись с узами, напали на печенегов и выгнали их из собственной страны. Эти печенеги обитали сначала между Волгой и Яиком, и соседями их были с запада мазары, т. е. мадьяры, или венгры, а с востока – узы. Печенеги, вытесненные из своей земли, потянулись на Запад и, в свою очередь, потеснили кочевавших по соседству с ними мазар, или венгров. Последние, пройдя через наши степи, расположились было в области р. Днестра, Серета и Прута. Хан хазарский хотел сплотить мазар и печенегов под властью одного вождя Арпада, но безуспешно. Печенеги напали на венгров и заставили их подвинуться еще дальше на Запад, в Великую Моравию. Эти известия Константина Багрянородного о передвижении племен на юг нашей страны в общих чертах подтверждаются и западным летописцем монахом Региноном, и нашей летописью.

Регинон сообщает, что в 889 г. от воплощения Господня вышел из скифских болот, где течет Танаис, народ Венгров, выгнанный со своего местожительства соседними народами, которые называются *Pecinati*¹².

Наша летопись¹³ относит переход узов ко времени княжения Олега, а появление их у Киева к 898 г., как раз согласно с Константином Багрянородным. Венгры ушли, а печенеги остались на юге нашей страны. При Константине Багрянородном печенеги занимали уже все пространство степей от нижнего Дуная до Дона. «От нижнего течения Дуная напротив Силлистрии до хазарской крепости Саркела на Дону простирается Печенегия», – говорит император. Он сообщает, что Печенежская Орда состояла из восьми колен, или племен, из которых четыре расположились на левой стороне Днепра около Хазарии, Алании и на границе Херсона; а четыре на правой: одно – по соседству с болгарами, другое – по соседству с венграми, третье – в соседстве с угличами, древлянами и ленчичанами, а четвертое – по

¹¹ Parisiis, 1645–1711. Vol. III. P. 164.

¹² Scriptores rerum germanicarum. Hannoverae, 1867. Vol. 1. P. 89.

¹³ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 14.

соседству с Русью¹⁴. На первых порах они, по всем данным, находились в мирных отношениях к нашим славянам.

В 915 г., по сообщению летописи, печенеги заключили с Игорем мир, а в 944 г. они как наемное войско участвовали в походе русских на греков¹⁵. Но со времени Святослава начинается упорная борьба Руси с печенегами. Занятый беспрестанными походами, Святослав мало заботился об охране Руси. Благодаря этому печенеги сделались смелее. Они заняли самую важную местность по течению Днепра – его берега около порогов – и сильно затрудняли сообщение Руси с Черным морем. Один раз, в бытность Святослава в Болгарии, они напали на Киев и едва было не взяли его. При Владимире Святом борьба с печенегами была, по выражению летописи, «без престопа». Они два раза проникали почти до Киева и один раз разбили киевского князя у Васильева и едва не захватили его в плен. Для защиты от непрерывных набегов печенегов Владимир начал строить города по Десне, по Осетру, Трубежу, Суле и по Стугне. Ярослав подвинул линию укреплений на правом берегу Днепра несколько южнее и начал ставить города по Роси. Но скоро судьба освободила Русь от соседства с печенегами.

В 1034 г. печенеги осадили Киев. На выручку подоспел Ярослав с новгородцами и наемными варягами. Страшная битва произошла, по словам летописца, на том самом месте, где впоследствии была выстроена св. София. Печенеги были разбиты; много их погибло в р. Сетомле. Это была последняя битва, ибо, как говорит летопись, печенеги «погибоша, а прок и побегоша и до сего дне»¹⁶.

От византийского писателя Георгия Кедрена узнаем, куда убежала большая часть печенегов. Оказывается, что около 100 тысяч их перешло Дунай и поселилось в пределах империи. Кедрен сообщает и причину этого переселения. Оказывается, что печенегов из наших степей вытеснили узы.

Но кто такие были эти узы, откуда они вышли? Из сообщения Константина Багрянородного мы уже знаем, что узы в IX в. жили еще за Яиком в Азии, а затем, потеснив печенегов, заняли область между Яиком и Волгой; при этом, сообщает император, часть печенегов осталась там же и стала жить вместе с узями. Арабский писатель первой половины X в. Масуди застает их уже на правой стороне Днепра, который отделяет от них Хазарию. Очевидно, следовательно, что узы в своем движении на Запад последовали за печенегами и расположились в наших степях по соседству с печенегами, около р. Дона. Какой же народ знает наша летопись в степях Дона в X в.? Печенегов и торков. Услугами последних воспользовался в 985 г. Владимир Святой, когда шел на волжских болгар: «Иде Володимир на Болгары с Добрынею уем своим в лодьях, а Торки берегом приведе на конех», – сообщает летописец¹⁷.

Итак, узы – то же самое племя, которое называется торками в наших летописях.

Торки-узы, вытеснив печенегов из Приднепровья, заняли их место и стали тревожить своими набегам русскую Украину. Поэтому в 1060 г. Ярославичи – Изяслав, Святополк и Всеволод решили одним ударом покончить с новым врагом Руси. «Совокупивше вой безчисленни», они пошли на лодках и на конях на «Тороков». «И се слышавши Тороци, – рассказывает наш летописец, – убоявшеся, пробегоша и до сего дни, и помроша бегающе гоними, овии от зимы, друзии же голодом, инии же мором и судом Божиим, и тако Бог избави хрестьян от поганых»¹⁸.

¹⁴ Buzantinae Historia. Vol. II. P. 165–166.

¹⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 26, 28.

¹⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 105–106.

¹⁷ Летопись по Ипатскому списку. С. 56.

¹⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 114, 115.

Одновременно с этим византиец Михаил Атталеиота сообщает о гибели узов. По его словам, они потерпели сильно от зимы, были изнурены болезнями и голодом. Случилось это уже в 1064 г. в пределах империи, куда они прибежали; те же из них, которые ушли обратно за Дунай, сообщает Атталеиота, были рассеяны князем мермидонов около его городов¹⁹.

В соответствие этому известию, наша летопись рассказывает о том, что Всеволод в 1080 г. послал сына своего Владимира на торков переяславских, которые «заратились» на Русь: «Володимер же шед побив Торки»²⁰. Оставшиеся уже в незначительном количестве торки вошли в состав так называемых черных клобуков и поселились на окраине русской оседлости – на Поросье в качестве союзников русских князей, которые стали пользоваться ими и для своих домашних усобиц, и для борьбы с другими кочевниками. Но главная масса торков погибла где-то в пределах империи.

Итак, и этот новый враг славянского населения нашего юга сошел со сцены или, по крайней мере, перестал быть опасным для русских славян. Но на смену ему появился еще более опасный враг, и все оттуда же, откуда пришли и печенеги, и торки. Вслед за известиями об отражении торков русскими князьями русская летопись сообщает о появлении на наших окраинах половцев. Они появились в 1061 г. и разбили Всеволода. Семь лет спустя Ярославичи вышли против них на р. Альту и потерпели полное поражение. По-видимому, и самое движение торков на Запад вызвано было не чем иным, как натиском половцев.

С 1071 г. начинаются их беспрепятственные набеги на Русь. Не проходило почти ни одного года, когда бы не горели русские города и села и русские жители не уводились в плен половцами. Больше всего терпели от них Киевское и Переяславское княжения и особенно Посулье и Поросье. Современник-летописец яркими красками изображает бедствия, причиненные Руси половцами. Рассказав об их нашествии на Киевскую и Переяславскую земли в 1092–1093 гг., летописец говорит: «Сотвори бо ся плач велик у земле нашей и опустеша села и городе наши и быхом бегающие и перед враги нашими... Ибо лукави сы-нове Измайлове пожигаху села и гумьна и многи церкви запалиша огнем... Земля мучена бысть: ови ведутся полонене, а друзии посекаемы бывають, друзии на месть даемы бывають, горькую приемлюще смерть, друзии трепещут зряще убиваемых, друзии голодом умориваемы и водною жажею; овии вязани и пятами поткаемы на морозе держими и вкоряемы... У граде вси опустеша, и преидеша поля, идеже пасьма быша стада коне, овце, воловы; се все тще ныне видим; нивы порожыне стоять, зверем жилища быша»²¹.

Нападения половцев не прекращаются и далее в течение всего XII в. и затихли только в XIII в., незадолго до вторжения татар.

¹⁹ Μιχαηλτοῦατταλεῖστοῦιστοζία. Воннае, 1853. Р. 83, 85, 87.

²⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 143.

²¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 155–156.

III. Сокращение территории славянской оседлости на юге России и расширение ее на севере

Отлив славянского населения из Приднепровья в бассейны Оки, Днепра и нижней Кубани. Возвышение Тмутараканского княжества и его судьба. Отлив славянского населения из бассейнов нижнего Буга и Днестра на низовья Дуная и в междуречье Прута и Серета (Берладь), а также на север; остатки этого населения в приморских городах: Белгороде, Чернограде и Олешье. Общие итоги расселения славян на юге нашей страны к половине XII в. Расширение славянской колонизации в Поволжье и в бассейне Оки: новые города. Славяне в области води, еми, заволоцкой чуди: Водьская и Обонежская волости; погосты на р. Онеге и Северной Двине и их притоках.

Появление кочевников в южных степях нашей страны не могло не отразиться на распределении в этих областях славянского населения. Мы видели, что уже в VIII в. славянское население Подонья сильно пострадало от войн, которые арабы вели с Хазарией. Еще большие бедствия должны были обрушиться на славян Подонья с передвижением в наши южные степи печенегов, торков и половцев. Оседлое славянское и хазарское население не могло удержаться в этом крае и должно было покинуть его. К сожалению, мы не знаем начальных моментов этого передвижения славянского населения. Летопись знакомит нас с последними моментами этого отлива. В 1111 г. на нижнем Дону существовало еще несколько городков со смешанным славяно-хазарским населением. На эти городки натолкнулись русские во время похода своего на половцев. Подходя к одному из них – Шаруканю, князья послали вперед духовную процессию с крестами и хоругвями. Шаруканцы вышли навстречу этой процессии и вынесли русским мед и рыбу. Очевидно, что население Шаруканя было христианское и славянское, и русские знали об этом, а потому и послали духовенство с крестами и хоругвями. Через пять лет после того, в 1116 г., сын Владимира Мономаха с одним из черниговских князей ходили снова на Дон, где взяли три городка и вывели «полон мног», в том числе и ясов. Таким образом, подбираются мало-помалу остатки оседлого населения в Подонье, пока не исчезают совсем. Это случилось, как кажется, в 1117 г. В этот год, рассказывает летописец, пришли беловежцы на Русь. Белой Вежью называлась у нас на Руси главная хазарская крепость на Дону – Саркел, стоявшая на изгибе Дона, где эта река сближается с Волгой. Следовательно, около 1117 г. все оседлое население с Нижнего Подонья исчезло – ушло на Русь.

Куда же ушли славяне с Подонья? Тут можно строить только догадки. Часть их ушла на запад в Приднепровье, как описывают приведенные известия летописей; часть ушла, быть может, на север, в бассейн Оки, где в XI в. как раз замечается увеличение славянских поселений и, наконец, часть населения ушла, по-видимому, на юг, в область нижней Кубани. Этим приливом населения в область нижней Кубани, по всей вероятности, объясняется возникновение особого Тмутараканского княжения как раз в разгар борьбы с печенегами, в начале XI в. Княжество Тмутараканское играло даже крупную роль в судьбах Руси при Мстиславе Владимировиче: с силами этого княжества Мстислав добился от своего брата Ярослава дележа по Днепру, что случилось после удаления Святослава из Киева. Но после Мстислава сюда являлись уже одни обездоленные князья или изгои, вроде Ростислава Владимировича, – явный признак, что это княжество, оторванное от остальной Руси, окруженное со всех сторон инородцами, захудало и утратило свое прежнее значение. Очевидно, славянского населения оказалось здесь немного, и князья находили здесь мало средств для жизни и деятельности. Но последний раз Тмутаракань упоминается в летописях в 1094 г.: в этом году Олег покинул ее, чтобы сесть в Чернигове. Девяносто лет спустя Тмутаракань

считалась на Руси уже потерянной страной. Желанием вернуть ее певец «Слова о полку Игореве» объясняет поход северских князей 1184 г.: «Се бо два сокола слетеста с отня стола злата поискати города Тьмутаракани, а любо испити шеломам Дону»²². Впрочем, само княжество существовало еще в XIII в. Вот как описывает ее жителей венгерский монах, посетивший Приазовье в 1237 г.: «Ея владетель (dux) и население называют себя христианами, имея книги и священников от греков. Говорят, что князь имеет сто жен, все мужчины бреют головы, а бороды растут умеренно, за исключением благородных, которые в знак своего благородства над левым ухом оставляют немного волос, причем вся остальная голова обрита»²³. Мы видим из этого известия, что политическая организация и начатки культуры, засаженные в Тьмутаракань при русских князьях, не исчезли здесь до самого прибытия татар, хотя заметно уже одичание, огрубение под влиянием окружающей варварской обстановки. Вероятно, это одичание стояло в связи и с изменением в самом составе населения – славянский элемент, по-видимому, уже не играл преобладающей роли в Тьмутаракани, а инородческий. С утверждением на низовьях Дона и на Кубани татар Тьмутараканское княжество исчезает совершенно с исторической сцены.

Итак, прибой тюркских волн разбил славянское население Подонья, которое ушло на север, запад и юг. Та часть его, которая ушла на юг, на Кубань, не удержалась здесь, а с течением времени ушла отсюда или затерялась среди других племен. То же самое приблизительно произошло и в бассейнах Днепра, Буга и Днестра.

В эпоху составления «Повести временных лет», т. е. во второй половине XI в., у современников сохранились воспоминания о многочисленных племенах уличей тиверцев, живших на землях по Днестру, Бугу (Южному) до Дуная и до моря. От этих племен сохранились в то время в названной местности уже одни только города: «и суть гради их до сего дне». Писавший в конце XI в. Баварский географ также знает уличей, про которых он пишет: «Ulici – populus multus, civitates CCCXVIII» («Уличи – народ многочисленный, городов 318»). Итак, во второй половине XI в. эти уличи уже исчезли. Исчезновение уличей и тиверцев с Побужья и Поднепровья стояло в связи с тем же передвижением в нашей степи кочевых тюркских племен. Уже в X в. печенеги проникли на запад от Днепра: Константин Багрянородный рассказывает, что на запад от Днепра кочевали четыре колена, между прочим, по соседству с уличами. Из его же рассказа можно видеть, что тиверцы и уличи были оттеснены печенегами; по его словам, печенегов можно найти на берегах Днепра и Днестра, где они постоянно кочуют. Когда в 60-х гг. XI столетия печенеги и торки очистили территорию южных степей, на запад от Днепра продвинулись половцы. В 1070 г. они сделали первый набег на Венгрию; следовательно, уже проникали до юго-восточного склона Карпат. Восемь лет спустя они уже принимают участие в смутах на Балканском полуострове, потрясавших Византийскую империю. Можно утверждать, что в восьмидесятых годах XI столетия половцы кочевали между нижним Днепром, Карпатами и Дунаем. Из «Поучения» Владимира Мономаха ясно видно, что половцы кочевали по Южному Бугу: «и на Бог идохом с Святополком на Боняк за Русь». Русские князья в начале XII в., гоняясь за половцами, нападавшими на Поросье, доходят до самого Дуная.

Куда же девалось оседлое славянское население Побужья и Приднепровья? Поселения уличей и тиверцев, как мы видели, простирались до Дуная. Как далеко они простирались на запад, мы не знаем. По смыслу летописного известия выходило, что они группировались у низовья этой реки. Сюда, вероятно, и выселилась часть славянского населения с берегов Буга и Днестра, когда появились кочевники. Анна Комнен рассказывает, что в разгар борьбы империи с печенегами какой-то род скифский, подвергавшийся постоянному разбою сав-

²² Слово о полку Игореве. СПб., 1908. С. 16.

²³ G. Codex diplomaticue Hungariae ecclesiasticus as civiis. Budae, 1829–1844. Vol. IV. Part 2. P. 51–52.

роматов, снявшись с родины, спустился к Дунаю. Переселенцы вошли в соглашение с князьями подунайских городов и стали без опасения переходить на другую сторону Дуная, опустошая прилежащую страну, так что они захватили даже и некоторые городки. После этого, пользуясь некоторым спокойствием, они пахали землю и сеяли овес и пшеницу. Ясное дело, что эти переселенцы были не кочевники, а оседлые земледельцы и, скорее всего, славяне, ушедшие от напора печенегов. Впоследствии на нижнем Дунае и его левых притоках мы видим целый ряд городков, имевших связь с Русью. Таковы были: Галич Малый, ныне Галац, Дичин, где-то около Силлистрии, Текуч, на р. Бырлате, и Берладь на той же реке, впадающей в Серет. Последний был главным городом, и по нему вся эта местность называлась Берладью. Это было нечто вроде второго Тмутараканского княжества. И в этом оторванном от остальной Руси уголке находили приют разные князья-изгои, которым не находилось волости в русской земле. Население, как и в Тмутаракани, было, по всем признакам, сборное. Оно известно под именем берладников. В 30-х, 40-х и 50-х гг. XII столетия здесь находил себе приют князь Иван Ростиславич, внук известного Володаря Ростиславича, князя Галицкого. Он поэтому и получил прозвище Берладника. За это время Берладь не раз присоединялась к Галичу, но ненадолго. Берладники не сносили подчинения сильным князьям: они любили сами принимать к себе князей, давать им помощь и покровительство. В 70-х гг. XII столетия эта область считалась чем-то оторванным от Руси. Всеволод Суздальский посылал сказать Давиду Ростиславичу (Смоленского рода): «А ты пойдешь в Берладь, а в Русьской земли не велю ти быти»²⁴. Берладь сделалась ядром, из которого позже выросла Молдавия.

Итак, часть наших уличей и тиверцев пошла на образование молдавской народности, что сказалось и на языке молдаванцев. Но не все уличи и тиверцы отодвинуты были печенегами в междуречье Прута и Серета и на низовья Дуная. По некоторым данным можно заключить, что часть их удержалась в приморских городах, а часть отодвинулась на север, на верховья Буга и Днестра.

В X–XIV вв. на берегу Черного моря, при устьях Днестра, Буга и Днепра, существовали три города: Белгород, Черноград и Олешье. О Белгороде упоминает Константин Багрянородный; этот же город стоит и в перечне русских городов, составленном в половине XV в. и помещенном в Воскресенской летописи. Нахлынувшие тюрки перевели его на свой язык. «Ак» – «белый» и «кермен» – «город». Получилось название Аккермен или Аккерман, существующее и теперь. В начале XIV в., согласно одному описанию, в этом городе жили магометане и неверные, т. е. христиане (Абушжеды), значит, еще в это время держалось в нем славянское население, хотя и смешанное уже с инородцами. Перечень русских городов, помещенный в Воскресенской летописи, упоминает на Черноморском побережье Черноград. Этот город также существовал уже в X в., как видно из одного документа, известного под именем Записки готского или греческого топарха. Этот топарх по каким-то политическим делам ездил к русскому князю. На обратном пути он ехал сначала по левому берегу Днепра, а затем переправился на правый, с тем чтоб идти к «Маврокастроу». Маврокастрон по-гречески значит «Черный город». Тюрки этим именем стали звать Очаков, называя его Каракермен, что буквально значит «Черный город». Итак, «Черный город» – это нынешний Очаков при устье Буга. Что касается Олешья, то летопись упоминает об этом городе впервые под 1084 г. Но, по-видимому, город этот существовал и раньше: русь, ездившая в X в. в Царьград, останавливалась иногда зимовать в Белобережье при устье Днепра; останавливался здесь и Святослав. Но Олешье находилось как раз там же, и весьма вероятно, что все эти зимовки имели место именно в Олешье. Город Олешье продолжал существовать и в XIII в. и был торговым пунктом. Названные города уцелели отчасти благодаря своим укреплениям и морю, на котором всегда можно было жителям спастись от кочевников, а отчасти

²⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 390.

благодаря своему значению рынков, где кочевники могли сбывать свою добычу и запастись разными нужными для них предметами²⁵.

Из сопоставления известий нашей летописи с данными, рассеянными у Константина Багрянородного, можно заключить, что часть уличей и тиверцев под напором кочевников отодвинулась на север, на верховья Буга и Днестра. И летопись, и Константин Багрянородный говорят об уличах рядом с древлянами. Говоря о печенегах на правой стороне Днепра, Багрянородный говорит, что они соседят с уличами и древлянами.

Говоря о возложении дани на древлян Игорем, наша летопись вслед за тем говорит об обложении данью и уличей. Тиверцев летопись обыкновенно упоминает после хорватов и дулебов, но хорваты сидели по верхнему Днестру, а дулебы – по Западному Бугу. Значит, и с утверждением на правой стороне кочевников названные племена оставались соседями других славянских племен, значит, и кочевники перерезали оседлых уличей и тиверцев, оттеснив часть их на север, а часть – на юг и запад. Словом, здесь произошло явление, аналогичное тому, которое мы видели на Дону. Этим и объясняются таинственные известия о каком-то тьмутараканском княжестве, о Берладе.

Подводя итог последствиям, которые вытекли для размещения славянского населения в Восточной Европе из передвижения в наши южные степи тюркских племен в X и XI вв., мы, на основании всего вышеизложенного, должны констатировать: 1) очищение от славянского населения Подонья, за исключением верхней части его; 2) очищение нижнего Приднепровья до Роси и Ворсклы; 3) очищение бассейна Буга, за исключением верхней части; 4) таковое же очищение Приднестровья; 5) обособление от главной массы славянства населения некоторых мест по берегам Азовского и Черного морей, обособление, которое впоследствии привело к исчезновению или перерождению этого населения; 6) разрежение населения в среднем Приднепровье, вследствие избиения и пленения от половцев. Трудно, конечно, подвести политический учет последнему факту. Но вот впечатление современника, которое записано летописцем и которое вполне подтверждает наш общий вывод: Андрей Боголюбский, по известию Никоновской летописи, по прибытии к отцу в Киев изумился: «яко всегда в мятежи и в волнении вси бяху, и многи крови лияшеся, и несть никому ни с кем мира, и от сего все княжения опустеша, <...> а от поля половцы выплениша и пусто сотвориша»²⁶. Это впечатление от положения дел как раз в половине XII в. Конечно, разрежение населения в Приднепровье происходило не от одних половецких набегов, но и от княжеских усобиц. Но последние потому и были особенно губительны для населения, что в них участвовали половцы, в качестве союзников того или другого князя.

В то самое время, как на юге нашей страны славянское население исчезало или редело, на севере славянская колонизация захватывала все большие и большие пространства, и славянское население сгущалось. Происходило это, несомненно, от двух причин: 1) от естественного прироста населения, которое на спокойном севере не встречало тех препятствий в своем размножении, какие встречало на тревожном и опасном юге; 2) от прилива населения с юга, обусловливавшегося теми же самыми причинами, какие порождали опустение юга.

Какие же факты имеются в наших руках, которые обнаруживают указанное явление? Прежде всего, построение новых городов в бассейнах Оки и верхней Волги. В X в. на Оке мы знаем один только город – Муром, оплот славянского населения среди финских племен: мещеры и муромы. В конце XI в. здесь появляются Рязань, Переяславль-Рязанский и Пронск в земле Мещеры. Города у нас возникали или как торгово-административные центры среди осевшего в данной местности славянского населения, или как передо-

²⁵ Голубовский И. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев, 1884. С. 182–212.

²⁶ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). С. 204.

вые посты и оплоты подвигающейся колонизации страны. В том и другом случае появление городов указывает на успехи славянской колонизации. В бассейне верхней Волги за это же время возникают Ярославль, построенный Ярославом Владимировичем, Владимир-на-Клязьме, построенный Владимиром Мономахом, Кснятин при впадении Нерли в Волгу, Юрьев-Польский, Дмитров, Москва, построенные Юрием Долгоруким в области все той же мери. Кроме того, за это же время возникают, в точности неизвестно когда, Суздаль, Угличе-Поле, Молота и Переяславль-Залесский, также в области мери. Можно сказать, что уже почти вся область мери в половине XII в. охвачена славянской колонизацией, за исключением бассейнов Костромы и Унжи. (Меря, по археологическим исследованиям графа Уварова и наблюдениям над топографической номенклатурой, занимала нынешние губернии: Ярославскую, Костромскую, Владимирскую – до р. Клязьмы – и северную часть Московской губернии – до р. Москвы). Но этим не ограничивается расширение русской оседлости здесь. Из устава Ярослава «О мостех» и из церковного устава князя Святослава Ольговича 1137 г. видно, что славянская колонизация из области новгородских славян распространилась в области финского народца води, жившего к югу от Финского залива до р. Наровы на западе, в области финского народца еми, жившего на юг от р. Свири и Онежского озера, и в области заволоцкой чуди, жившей в бассейне Северной Двины. Устав «О мостех», в числе новгородских волостей, упоминает уже Водскую волость и Обонежскую. Эти волости под именем «рядов» упоминаются и в уставе 1137 г. Судя по населенным местностям, перечисляемым в уставе, Обонежская волость, или ряд, занимала пространство между Ладожским и Онежским озерами, по р. Олонке, Свири, Паше и Сяси. Устав 1137 г., кроме того, перечисляет новгородские племена: по восточному берегу Онежского озера и по рекам, впадающим здесь в озеро – по р. Водле, Онеге и ее притокам (Моша), по Северной Двине и по ее притокам, – Емце и Ваге с левой стороны, Пинеге и Тойме с правой и по р. Сухоне и по соседству с этими поселками. На всем этом пространстве, т. е. в Обонежье и в Двинском крае, устав насчитывает, впрочем, только двадцать шесть населенных мест, принадлежащих новгородцам²⁷.

Сопоставляя эти факты с изложенными выше, мы приходим к заключению, что славянская колонизация с самого начала своего широко разбрасывалась по нашей стране и притом переливалась из одной местности в другую. Господствующим движением, однако, с течением времени стало движение с юга на север. Движение это возобладало с того времени, как на юге нашей страны появились кочевники.

²⁷ Барсов Н. И. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 198–203. Прим. 325.

IV. Степь и лес в начальные времена русской колонизации

Общая граница степного пространства по данным распространения чернозема в Европейской России. Лесные острова в степи на левых притоках Днестра (до Морахвы) и на верхнем Буге, на низовье Днестра, на Днепровских островах, на верховьях Ингульца («Черный лес»), по р. Тясмину, Роси, («Каневский лес»), на верховьях Орели и Самары («Голубой» и «Черный» леса), по Ворскле, Суле и Пселу, на Перекопском перешейке, на Волчьих водах, Кальмиусе и Миусе, на верховьях Донца и Оскола («Пузацкий лес»), по Дону, на низовьях Дона, по р. Воронежу, Битюгу, Хопру и Медведице. Климатические факторы, определившие пределы распространения в степи. Свидетельства Герберштейна о распространении леса в Европейской России. Более ранние свидетельства о лесах около Киева, к востоку от Случи и до Уши («Чертов лес»), на Волини, по северным притокам Припяти, на верховьях Волги, Днестра и Западной Двины (Оковский лес), по Десне (Болдиж лес), на Жиздре (Брынский лес), на верховьях Протвы, Нары, Москвы, Клязьмы, в бассейне Дубны, между Волгой и Костромой (Ширенский лес), около Владимира на Мокше и Цне. Степные оазисы в лесной области: Белехово поле, Юрьево поле, Угличе поле. Климатические факторы, определившие распространение лесной растительности.

С утверждением господства на юге нашей страны кочевников границы славянской оседлости, как было сказано, отошли на север. Но на какой линии они установились? Для уяснения этого вопроса, а равно и для уяснения славянского населения в пределах территории, охваченной первоначальной славянской колонизацией, мы должны рассмотреть распределение леса и степи нашей страны в древние времена, насколько это возможно при наличных средствах науки.

Появление кочевых тюркских племен, равно как и более раннее продолжительное господство кочевников на юге нашей страны свидетельствует, конечно, что и тогда, как и теперь, юг России носил по преимуществу степной характер. Летопись называет полем область печенежских и половецких кочевий. Это же имя прилагается в летописи к различным местностям земли Киевской, Переяславской, Посемью и пространству на юг от Рязани. Существование степей на юге России, таким образом, можно признать фактом, не подлежащим сомнению.

Гораздо труднее определить более или менее точно пределы этого степного пространства, провести границу степи и леса, т. к. определенных и сколько-нибудь полных указаний на этот счет нельзя подобрать в источниках. На помощь нашей науке в данном случае является геология со своими данными относительно распространения чернозема в нашей стране и со своими объяснениями касательно его происхождения.

Чернозем в Европейской России залегает к югу от линии, которую приблизительно можно провести через города: Кременец и Заслав – Волынской губернии, Бердичев и Васильков – Киевской губернии, Переяславль – Полтавской, Козелец, Сосница и Глухов – Черниговской, Дмитровой и Орел – Орловской, Тулу и Венев – Тульской губернии, Зарайск и Ряжск – Рязанской губернии, Шацк, Тамбов и Темников – Тамбовской губернии, Инсар – Пензенской, Лукоянов и Ардатов – Нижегородской, Ядрин и Тетюши – Казанской и далее по Волге, Каме и Белой до границы с Оренбургской губернией. Юго-восточная граница черноземного пространства идет от р. Белой по границам губерний Уфимской, Самарской, Саратовской, Области Войска Донского и Ставропольской. На юге граница черноземного пространства идет по правому берегу Терека и Малки недалеко от самых рек, по левому берегу р. Кубани,

по берегам Азовского моря до Геническа, от Геническа – по направлению к Перекопу и затем параллельно берегам Черного моря, на некотором расстоянии от них, севернее городов Херсона, Николаева, Одессы и Аккермана.

Другими словами, черноземному пространству принадлежат: южная часть Волынской губернии, где находятся верховья р. Стыри, Горыни и Случи; большая часть Киевской губернии, за исключением северной части, к северу от Стугны, губерния Подольская, затем – Бессарабская и Херсонская, за исключением прибрежной полосы по Черному морю, узкая полоса Черниговской губернии по ее юго-восточной границе, восточная половина Орловской губернии, Тульская – к югу от Уфы, Рязанская губерния к югу от Оки, за исключением полосы по правому берегу Оки, Тамбовская с выемкой по обоим берегам Цны и Мокши, Пензенская губерния, с выемкой по Мокше, юго-восточная часть Нижегородской губернии, южная часть Казанской, к югу от Волги и Камы, юго-западная часть Уфимской от р. Уфы, и затем губернии Самарская, Саратовская, Область Войска Донского, Ставропольская губерния, северная часть Терской области, большая часть Кубанской, северная часть материковая – Таврической губернии, Екатеринославская, Полтавская, Харьковская, Курская и Воронежская губернии. Необходимо при этом иметь в виду, что очерченное пространство не все сплошь покрыто черноземом. По берегам Днестра, Буга, Днепра и их притоков и Волги встречается почва каменистая, песчаная и иловатая, т. е. те именно почвы, где с особенной силой проявляется механическая и химическая разрушающая деятельность воды.

По исследованиям академика Ф. Рупрехта²⁸, черноземная почва есть результат многовекового развития травяной растительности в очерченном пространстве, и в частности характерной степной травы – ковыля. Во всех пробах, которые он брал, микроскоп не обнаружил присутствия древесных корней, а только травянистых частей. Ф. Рупрехт сделал отсюда вывод, что чернозем есть результат соединения минеральных частей почвы с перегноем дерна: под влиянием солнца и дождя отжившие части травы истлевают, обращаются в перегной, просачиваются в почву и усиливают более или менее ее черный цвет. Срок, необходимый для образования чернозема, Рупрехт определил по следующему расчету. Он исследовал толщину чернозема на некоторых песчаных курганах, которые тогда относились ко временам Батыя. Оказалось, что на песчаной насыпи образовался слой чернозема в 6–9 дюймов, притом не очень жирного, приближающегося только к настоящему чернозему. Из этого он сделал такой вывод: если в 600 лет образовался всего такой тонкий слой, то для образования черноземного слоя в 2–5 футов, какой находится на гладкой земле около курганов, необходимо было от 2400 до 4000 лет. Но раскопки Д. Я. Самоквасова показали, что Черниговские курганы, где производил свои исследования Ф. Рупрехт, относятся не к XII, а к X в. Стало быть, и расчет Рупрехта должен измениться в пользу еще более продолжительного срока. Но если так, то, следовательно, и очерченный нами район черноземного пространства носил степной характер и в начальные времена русской колонизации. Поэтому и современная почвенная карта может до известной степени служить пособием для определения леса и степи в нашей стране.

Степь в старину, как и теперь, прерывалась лесами – «островами». Эти лесные «острова», по свидетельству источников, являются большей частью там, где почвенная карта показывает полосы нечерноземной земли, и где теперь отчасти сохраняются остатки лесов, т. е. по берегам рек. К сожалению, мы не имеем одновременных свидетельств об этих лесных островах, но, принимая во внимание, что леса с течением времени обыкновенно уменьшались, мы можем и по более поздним указаниям с большей или меньшей вероятностью заключить о начальном времени русской колонизации. Начнем с юго-запада.

²⁸ Рупрехт Ф. Геоботанические исследования о черноземе. СПб., 1866.

По данным польско-литовских иллюстраций и других источников XVI и начала XVII в., леса покрывали побережье левых притоков Днестра, с Моравой включительно. Лесами были одеты и верхнее течение Буга, и его притоков с Савранью и Синюхой включительно. Голая степь расстилалась южнее р. Савраньи и Синюхи и известна была под именем поля Очаковского.

Рядом с этим полем резко выделялась лесистая местность на низовьях р. Днепра. Эта местность известна была Геродоту под именем Гилеи, т. е. Полесья. Лесная растительность держалась здесь и в Средние века: в здешнем лесу ночевал бургундский рыцарь Гильбер де Ланнуа во время своего путешествия в Кафу в 1421 г.

Город Олешье, существовавший здесь в начальные времена нашей истории, своим названием также говорит о характере растительности этой местности. Остатки существовавшего здесь леса и поныне сохраняются кое-где на песчаной Кинбургской косе. Долина нижнего Днепра и его многочисленные острова, затопляемые весенними разливами, покрыты древесной растительностью и в настоящее время. На одном из островов этого низовья, где Боплан, со слов очевидцев, засвидетельствовал существование дубового леса еще в начале XVII столетия, руссы X в., по рассказу Константина Багрянородного, приносили жертвы своим богам у подножия дуба чрезвычайной величины. Лесистый остров этот назывался Хортич. Взглянем теперь на почвенную карту Европейской России и, как раз при устье Днепра и вдоль нижнего течения его, увидим полосу песчаной и частью иловатой почвы, нечерноземной.

Верховье р. Ингульца в настоящее время лежит в местности, покрытой песчаным черноземом. Здесь рос так называемый Черный лес, который обозначен на карте книги «...Большого Чертежа», составление которой приписывается Феодору Борисовичу Годунову. (Этот Черный лес еще в прошлом столетии считался «великой важности для Херсона и вообще для торгового по р. Днепру и Черному морю», ради дубов, из которых состоял.) В нем, по свидетельству Ласоты, прятались обыкновенно татары перед нападением на Украину. В конце XII в., по известиям летописи, леса существовали по берегам р. Тясмин, впадающей в Днепр. Тут производилась княжеская охота и водилось множество зверей. По р. Тясмину на почвенной карте мы опять как раз видим песчаную полосу. Берега р. Роси и ее притоков, по данным литовских и польских источников XVI и XVII вв., также были покрыты лесом. Здесь рос, между прочим, Каневский лес, в котором в первой половине XVII в. староста сдавал в аренду право жечь золу²⁹.

Переходя на левую сторону Днепра, мы, по известиям летописи, встречаем Черный и Голубой леса, которые находились где-то на верховьях р. Орели и Самары. В 1170 г. русские князья взяли половецкие вежи на Угле-реке (ныне – Орель) и на Снопороде (ныне, по всем данным, Самара), а самих половцев настигли у Черного леса, притиснули их к лесу, одних перебили, других взяли в плен и многих прогнали за Оскол. В 1187 г. князья зимой шли по льду Днепра и, достигнув устья Снопорода, захватили половецких сторожей, от которых узнали, что половецкие вожди находятся у Голубого леса. Из книги «Большого Чертежа» мы знаем, что у верховьев Орели был лес, называвшийся Кожь-боерак.

Про Самару Боплан говорит, что эта река с ее окрестностями замечательна не только обилием рыбы, но также и воском, медом и строевым лесом, которым она богата, как никакая другая. Подтверждение этому находим в статейном списке московского посла Василия Тяпкина, ездившего в Крым в 1681 г. Сказавши, что леса кончаются только на р. Самаре, он далее продолжает: «да не токмо на тех Овечьих водах (приток верхней Самары), но и на всех помянутых вершинах Конских и Самарских и Орельских вод можно города земляные, крепкие поделать... для того, что около тех рек и на степях дубровы великие, и леса, и терны,

²⁹ Zpodla dziejowe. Warszawa, 1876–1915. Vol. XXII. P. 9, 10.

и тальники, и камыши, и зверь в лесах и рыба в водах, и кормов конских всюду множество и пашни можно завести великие»³⁰. Обратившись опять к почвенной карте, мы по р. Самаре и Орели найдем песчаные полосы, а по р. Самаре даже остатки лесов.

На берегах Ворсклы, Псела и Сулы и их притоков на песчаной почве растут леса и в настоящее время. Известия, идущие от XVI–XVII вв., тоже упоминают о лесах по берегам означенных рек и их притоков.

У Перекопского перешейка также существовал лесной остров на песчано-иловатой почве, которая находится там в настоящее время. По свидетельству Константина Багрянородного, на Перекопе был когда-то ров, в его время уже засыпанный; на нем рос густой лес, через который печенег только двумя путями добирались до Херсонеса и Боспора (Пантикапея). К северу отсюда в прошлом столетии густые купы деревьев встречались еще по берегам Волчьих вод, Кальмуса и Миуса.

Переходя в область правых притоков Дона, мы, по книге «Большого Чертежа» (конца XVI в.), встречаем Пузацкий лес, в верховьях Семи, Донца и Оскола. Здесь же, поблизости, были Погорельский лес, Юшковы боераки, Разумный лес, Болховы боераки и т. д. И в настоящее время правый, высокий, берег верхнего Оскола покрыт лесом. Леса в XVII и XVIII вв. были и ниже по Донцу и его притокам, с Айдаром и Белой включительно. Остатки этих лесов сохраняются около нынешнего Святогорского монастыря. Тут по правому берегу Донца идут высокие горы, покрытые вековыми дубами, изредка соснами, кленами и ясенями.

Лес находится и на низовье Дона. Венецианец Иосафат Барбаро, проживавший в городе Тана (Азове) в 1436–1455 гг. сообщает, что в трех милях от города находился лес, где скрывались разбойники. Кроме того, в 60 милях от города находилось великое множество ивовых лесов, которые он видел, разрывая один курган. Значит, на низовьях Дона, как и на низовьях Днепра, находились леса. Воскресенская летопись в рассказе о Липецком князе Святославе и баскаке Ахмате под 1283 г. упоминает о Воронежских лесах³¹. В настоящее время значительные леса сохраняются по левому берегу р. Воронежа, в Липецком и Задонском уездах. Уцелели леса и по реке Битюгу, по низовьям и верховьям рр. Хопра и Медведицы. Аналогия с другими лесными полосами степного пространства заставляет предполагать, что и перечисленные леса в бассейне Дона существовали уже в начальные времена русской колонизации. Некоторое подтверждение этому находим и в известном описании путешествия Пимена в Царьград в XVI в., из которого узнаем о распространении лесных животных в бассейне Дона: «В неделю же св. Мироносиц, – читаем здесь, – поплыхом рекою Доном на низ. Бысть же сие путное шествие печально и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду... нигде бо видети человека, точию пустыни велия и зверие множество: козы, лоси, волци, лисицы, выдры, медведи, бобры; птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая и бяше вся пустыни великия».

Итак, в старину, как и теперь, степное пространство прерывалось лесными полосами, которые приблизительно соответствуют песчаным иловатым полосам, прорезывающим чернозем по берегам рек. Зная, как люди относились к лесной растительности, можно с полной уверенностью сказать, что в старину на юге России было больше лесов, чем теперь, что существующие теперь лесные полосы были богаче лесом, чем теперь, и что были леса и там, где их теперь нет. Весьма возможно, что эти исчезнувшие леса были не только на нечерноземных полосах степного края, но и там, где в настоящее время залегает чернозем. Дело в том, что во многих низинах около рек, по балкам и оврагам чернозем не местного образования, а наносного, принесен водой с высших мест. На таких местах ранее, конечно, могли расти леса.

³⁰ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. 1848. С. 573–74.

³¹ ПСРЛ. СПб., 1866. Т. VII (Летопись по Воскресенскому списку) С. 177.

К северу от черноземной полосы теперь преобладает почва глинистая, суглинистая, песок и супесь. Какая же растительность была здесь? Послушаем, что говорит относительно этого Герберштейн, посетивший западную и восточную Русь в первой половине XVI в. По его словам, все области к северу и востоку от р. Волги – области Двинская, Вятская, область Ногайских татар, за исключением степи около Сарайчика, далее, – земли, лежащие на правом берегу Волги от Углича до Нижнего, – все это великое пространство было покрыто лесами. Город Владимир с трех сторон был окружен обширными лесами, которые отсюда тянулись до г. Муром. Относительно Московской области, в тесном смысле, Герберштейн замечает, что по пням больших деревьев, которые существуют даже и ныне, можно заключить, что вся эта область не так давно была очень лесиста. Леса, по словам, Герберштейна, тянулись и по обоим берегам Оки, что подтверждается как остатками лесов в настоящее время, так и существованием суглинистой и супесчаной почвы по берегам Оки. Известия Герберштейна о приокских лесах подтверждаются и прочими историческими свидетельствами.

В конце XV в. в Каширском уезде был лес, от века не паханный: этот лес был пожалован Магмет-Амином Троицко-Сергиевому монастырю. В 1543 г. Касимовский царь Шиг-Алей позволил приказчикам этого монастыря ездить в Гусевский лес и в большой лес городских людей, с тем чтобы в этих лесах сечь лес «на судовое дело, на монастырское, на ковши и на блюда, и на енды, и на всякое дело, на монастырский расход».

По росписи сторож г. Новосиля при р. Зуше, впадающей в Оку, упоминаются леса: Княжий, Новосильский.

Важно также свидетельство Олеария, совершившего путешествие по р. Оке: в области, лежащей выше р. Москвы, он видел такое множество дубов и лесов, «какого, – замечает он, – мы нигде не встречали в целой России».

Герберштейн констатирует существование леса в местности, откуда берет начало Дон. Этот лес одни называют Оконицким, а другие – Епифановым. Равнина, по которой Дон течет в верховьях своих в Епифановском уезде Тульской губернии, и в настоящее время покрыта лесом, кустарником и моховыми болотами.

Область великого княжества Литовского Герберштейн называет страной очень лесистой и, между прочим, упоминает о том, что между Вильной и Полоцком находится весьма много озер, болот и необъятно огромных лесов, тянувшихся на пространстве почти 50 германских миль.

Область Днепровского бассейна, входившая в состав Московской Руси, по описанию Герберштейна, тоже изобиловала лесами. Смоленск, по его словам, был опоясан обширными лесами, в которых добывали много различных мехов. К северу от Брянска был огромный лес, простиравшийся в ширину на 24 мили.

В летописях, рассказах иностранцев о нашей стране и в актах можно подыскать в большом количестве и другие, более частные и мелкие, указания на распространение в древнее время лесной растительности в той полосе России, которая имеет нечерноземную почву.

Уже на первых страницах Начальной летописи мы находим известия о лесах в пределах Древней Руси. Рассказав об основании Киева тремя братьями на правом берегу Днепра, летопись прибавляет: «бьяше около града лес и бор великы, и бяхуловяща зверь»³². Несколько ниже это известие еще дополняется следующим: «по смерти братье сея... найде я (Полян) козаре сидящя на горах в лесах»³³.

³² ПСРЛ. Т. I (Лаврентьевская летопись). С. 4.

³³ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. С. 7.

Предание, занесенное в летопись, о существовании леса около Киева, подтверждается и названием урочища Борок на пути от Киева к Треполью, о котором находим указания в летописи.

Если некогда были леса даже в окрестностях главного города полян, то относительно существования лесов в областях тех племен славянских, о которых и сама летопись говорит, что они «живяху в лесе», уже не может быть никаких сомнений. Такими были на правом берегу Днепра древляне, самое название которых, по мнению летописца, происходит от лесов их родины. Действительно, известия летописей XII и XIII вв. помещают в их области Чертов лес, который, по определению Н. П. Барсова, «тянулся на восток от Случи до р. Уши». Здесь, на песчаных северо-восточных склонах Авратынской возвышенности до сих пор находится сплошной, едва проходимый лес. Еще менее проходим он был, вероятно, в древности, и поэтому летопись под 1234 г. отмечает как редкий случай намерение князя галицкого Даниила Романовича «изыти домови (из Киева) лес тою страною»³⁴. Такой путь был возможен здесь только по р. Уше, тогда как обыкновенный путь из Киева на Волынь и Галич шел южнее, вне лесного пространства.

Летописи представляют весьма мало известий о распространении лесов на запад от древлянской земли в область волынской; но вместо того некоторые указания мы находим в древней географической номенклатуре этого края: названия древних городов: Дубен на р. Икве (упоминается под 1100 г.), Дубровица на левом берегу Горыни (упоминается под 1183 г.) и Берестье на правом берегу западного Буга (упоминается под 1019 г.) свидетельствуют, что эти поселения возникли в лесной местности. Сличение этих данных с современным распределением лесов в этом крае подтверждает эту догадку: от той местности, где находился Чертов лес, по северному склону Авратынской возвышенности, леса поныне простираются непрерывной цепью, именно до Дубна; далее же к северу две группы лесов, одна у Дубровицы, а другая близ Берестья, поместились по краям верхнеприпятской болотистой низменности.

Также трудно извлечь из летописей какие-либо данные о лесах в области дреговичей; только в названии одной из виднейших рек этого края – Березины, да в названии самого племени скрывается указание на географическую характеристику его области. Слово «дрягва» на белорусском наречии значит «топь», «трясина», таким образом, племенное название дреговичей означает жителей болотистой местности. И, действительно, край, где они жили, по сказанию летописи, обилует топками, покрытыми лесной порослью болотами. Этой отличительной особенностью земли дреговичей соответствует и нынешнее название этого края – Полесье, которое, впрочем, встречается еще в XIII в.

Области более восточных племен, чем перечисленные доселе, а именно радимичей, кривичей, северян и вятичей, летопись изображает одинаково покрытыми лесом. Такое представление, с точки зрения приднепровского жителя, объясняет нам то название Залесье, которое в древности придавалось северо-восточной и северной Руси в противоположность Руси западной и южной. Известия, сообщаемые киевским летописцем, как мы уже знаем, подтверждаются в общих чертах современным распределением лесов в этом обширнейшем крае.

Но не только в общих чертах, а даже в частностях можно подметить соответствие между указаниями летописи и современным распределением лесов в северо-восточной Руси. Оказывается, что и во времена летописца, как и теперь, северо-восточная Русь не одинаково была покрыта лесами, что в ней существовали местности, выдающиеся в этом отношении, и наряду с ними местности, сравнительно мало одетые лесом и даже безлесные, или поля. Из местностей первого рода летопись указывает, прежде всего, на Оковский лес,

³⁴ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. С. 7.

покрывавший верховья р. Западной Двины, Днепра и Волги. Еще поныне тот лес в Вельском уезде, из которого вытекает Днепр, называется Волковыйским³⁵. Иностранцы путешественники XVI и XVII вв. обыкновенно называют этот лес Волконским. Он находится в непосредственной связи с лесами Осташковского уезда, в которых берут начало Западная Двина и Волга, а на границе уездов Осташковского и Веневского, у окраины этих лесов, находится старинное село с замечательным названием Оковцы.

Другой большой лес находился в бассейне р. Десны. Уже название древнего города Брянска, или Дебрянска, на верховьях Десны, указывает на лесной издревле характер окрестной местности. Эта дебрь к югу от Брянска носила название Болдыжа-леса и простиралась вниз Десны, преимущественно по лесному ее берегу и по притоку с той же стороны Нерусе и служила разделительной чертой между северянами и вятичами. Значительные леса до сих пор группируются в этой местности. Что в старину леса существовали не только на левом берегу Десны, но отчасти и вправо от нее, на это указывают своими названиями лежащие там несколько к югу города: Стародуб и Сосница, упоминаемые в известиях XII–XIII вв. Но вместе с тем Сосница является уже на границе черноземной степи. На востоке от верховьев Десны и ее притока Болвы, где находится водораздел деснинских вод от верховьев Оки, на суглинистых берегах р. Брыни, впадающей в приток Оки – Жиздру, должно искать прославленных народным преданием дремучих лесов Брынских. Летопись, хоть и знает здешнюю местность и даже упоминает р. Брынъ, ничего, однако, не говорит о лесах, на ней расположенных; тем не менее свидетельство нашего эпоса положительно и притом находит себе подтверждение в чрезвычайной лесистости Жиздринского уезда Калужской губернии, а потому и должно быть принято во внимание. Находясь на водоразделе между системами Днепра и Оки, Брынские леса служили рубежной чертой между смоленскими кривичами и вятичами. Судя по названию города Боровска, который упоминается только в XIV в., но как уже ранее того основанный, а равно по именам некоторых древних московских урочищ, в коих нередко слышно слово «бор», можно догадываться, что цепь лесов, распространяясь от устьев Брыни на северо-восток по течению Оки, пересекала последнюю выше впадения в нее Угры и, проходя верховье р. Протвы (где стоит Боровск), Нари и Москвы-реки, охватывало верхнее течение Клязьмы. Следы такого распределения лесов в этой местности, где суглинок и изредка глина составляют главный элемент почвы, можно и до сих пор видеть в восточных уездах Калужской губернии и в уездах Верейском, Звенигородском, Клинском, Дмитровском и Богородском губернии Московской³⁶. По известию о том, что преподобный Сергей основал Троицкую обитель в глухих дебрях, можно заключить, что означенные леса от Клязьмы распространяются к северу, а название р. Дубны, впадающей в Волгу, недалеко от верхнего течения Клязьмы, и старинной волости того имени (упом. под 1216 г.) указывает, что цепь лесов приближалась и к побережью Волги.

К северо-востоку от р. Дубны значительные леса существуют до сих пор на северо-западном берегу Переяславского озера. Прямо к северу отсюда, в середине полуострова, образуемого крутым изгибом Волги и р. Которослью, находился хорошо известный летописям XII и XVIII вв. Ширенский лес, где в 1238 г. после Ситского побоища погиб князь Василько Ростовский. Под тем же названием этот лес существует и поныне. По течению Клязьмы до окрестностей Владимира и далее к востоку и юго-востоку до побережья Оки также простирался обширный лес, как о том можно судить по названию Переяславля и Владимира Залесскими городами и особенно по имени древнего города Стародуба Ряполовского на Клязьме (в 12 верстах ниже г. Коврова). Народный эпос наш со своей стороны также знает обширные леса Муромские. Весьма заметные остатки этой лесной полосы суще-

³⁵ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. С. 127.

³⁶ Леса Боровские упоминаются в жалованной грамоте Троицкому монастырю 1529 г.

ствуют здесь поныне по суглинистым берегам Клязьмы и в песчано-болотистом пространстве между Клязьмой и Окой.

Среди этих дебрей находилось довольно значительное пространство земли, издревле безлесное и открытое. Безлесье этих мест неопровержимо засвидетельствовано данными географической номенклатуры: здесь, преимущественно на левом берегу р. Колокши встречаются едва ли не единственные на всем северо-востоке Руси древние названия: Белехово поле, Юрьево поле, Юрьев-Польский³⁷. Доныне здешний край, на протяжении от Юрьева почти до Владимира, слывет в народе под именем Опопычины; лесов здесь очень мало, а волнообразно перерезанная крутыми оврагами поверхность этой площади имеет очень плодородную черноземную почву: это последнее обстоятельство делает несомненным факт древней безлесности этого края. Другая подобная же местность, но гораздо меньших размеров, находилась к северо-западу от Опопычины, за Ширенским лесом, на берегу Волги, об этом свидетельствует древнее название города Углича – Угличе поле³⁸ и то обстоятельство, что в южных окрестностях этого города находятся небольшие клочки черноземной почвы.

Область р. Мокши была занята в древности народом вуртосами, главный промысел которых, по сказанию арабских писателей, составляло звероловство; промысел этот указывает на существование значительных лесов в земле Вуртосской. По свидетельству путешественников XIII в., к северу от Дона простирались густые леса, в которых жили два народа – моксель и мердь, у которых в изобилии были свиньи, мед, воск, дорогие меха и соколы. Это свидетельство относится как раз к бассейну Мокши³⁹. Если мы взглянем на современное распределение лесов в этой местности, то увидим, что они, под названием Мокшанских, тянутся сплошной массой по правому песчано-глинистому берегу Мокши, переходят на левый ее берег, при впадении в нее Цны, а после впадения самой Мокши в Оку такой же густой массой простираются по правому песчаному берегу последней, до Муром, ввиду которого носят название Муромских.

Приведенных указаний, я думаю, будет совершенно достаточно для того, чтобы вы могли составить себе картину распространения лесов в древние времена нашей истории. Эту картину, как я уже упоминал, вы всегда можете оживить в своем воображении, взяв в руки современную почвенную карту Европейской России. Делать это нам придется довольно часто при дальнейшем изложении истории русской колонизации. Только представляя себе более или менее ясно распределение лесов и степей в нашей стране, мы будем в состоянии представлять и понимать размещение русского населения в нашей стране, южные пределы его оседлости, те пути, по которым оно постепенно подвигалось в степь при господстве там кочевников.

³⁷ ПСРА. Т. I (Лаврентьевская летопись). С. 161; ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II (Ипатьевская летопись). С. 118.

³⁸ ПСРЛ. Т. I (Лаврентьевская летопись). С. 139.

³⁹ Соловьев С. М. Географические известия о древней России // Отечественные записки. 1853. Т. 86. № 2. С. 89.

V. Южные пределы русской оседлости в XII и в начале XIII в. Бродники

Южные пределы русской оседлости на запад от Днепра, т. е. в Галицкой земле и Поросье или бассейне р. Роси. Постройка городов в Поросье. Черные клобуки. Укрепленная линия по р. Стугне. Совпадение пределов русской оседлости на запад от Днепра с границей лесной области. Главная укрепленная линия на восток от Днепра. То же совпадение ее с границами леса. Города по р. Суле. Городки на р. Неле и Ворскле как форпосты русской оседлости. Данные об этом Ипатьевской летописи. Р. Донец (от впадения в нее р. Уд), как дальнейшее продолжение на восток от Днепра пограничной линии русской оседлости. Свидетельство Никоновской летописи о населении на р. Быстрой Сосне. Факты существования населения по р. Воронежу, Хопру и Битюгу. Реки Червленый Яр и Ворона как дальнейшее продолжение пределов русской оседлости со стороны половецких кочевий. Бродники как прототипы позднейших казаков. Причины, заставлявшие известные элементы русского населения уходить в степь, в соседство к поганым. Роль бродников в политических событиях нашей страны описываемого времени. Антропологическая и культурная ассимиляция русских элементов в степях как почва для появления казачества.

Познакомившись в общих чертах с распределением леса и степи в древние времена нашей истории, перейдем теперь к рассмотрению того, как разместилось славянское население в нашей стране в дотатарскую эпоху, и начнем прежде с тех пределов, до которых оно расселялось на юге.

Начнем свое обозрение с запада, с пределов Галицкой земли. Галицкая земля захватывала на юге верховья р. Серета и Прута, ту область, которая в настоящее время называется Буковиною, благодаря буковым лесам, в изобилии здесь растущим, и верхнее течение р. Южного Буга, или так называемое Понизье. Почвенная карта в бассейне верхнего Буга указывает нам полосы такой почвы, на которой в старину могли произрастать большие леса, — суглинистый и супесчаный чернозем и пески. И в настоящее время, преимущественно в этих полосах, в уездах Брацлавском, Гайсинском, Литинском, Лейтичевском и Винницком находится довольно значительное количество лесов (до 15 % всего пространства Подольской губернии).

Далее на восток русская оседлость охватывала Поросье — область военных поселений Киевской земли, бассейн р. Роси. Поросье — это южные границы Киевской земли. Здесь существовал целый ряд городков, которые начали строиться еще со времен Ярослава, селившего здесь пленных ляхов. Местность эта и теперь не лишена лесов, но в старину их было еще более, чем теперь (например, Каневский лес, где Литовские князья отдавали права жечь золу). Городки воздвигались здесь благодаря той опоре, которую давал лес против кочевников, и, так сказать, на помощь и для усиления этой естественной защиты. Но, очевидно, всего этого было мало для обеспечения Киевской земли с юга, и князья стали селить в Поросье торков и печенегов, попадавшихся им в плен или же добровольно поступавших к ним на службу. Тут же жили веренеи, когрь, каспичи, туреи и буоты, по-видимому, отдельные колена все тех же торков и печенегов. Все они известны и под общим именем Черных клобуков. Черные клобуки в массе и на Поросье вели кочевой образ жизни и со своими стадами и вежами передвигались по тучным пастбищам Поросья. В свои города, которые для нихстроили князья, они укрывались только во время половецких нападений или на зимовку. В массе они оставались язычниками и потому величаются в летописях «погаными». Как лихие наездники Черные клобуки были незаменимы в борьбе с степняками, такими же, как и они

сами. Вот почему и князья киевские давали им приют и жалованье, точь-в-точь как делали позже московские князья, принимая на службу отбившихся от орды татар и устраивая из них особое войско, которое особенно полезно было им в борьбе с татарами, но которое они употребляли и против других князей. Черные клобуки, таким образом, были предшественниками позднейших служилых татар. В летописи можно найти указания, что они обрусели, подобно тому как это было позже с татарами. Но главная масса их оставалась все-таки инородцами. Помимо этого инородческого населения, на Поросье продолжало существовать и славянское население, которое занимало преимущественно города и для которого существовала даже особая Юрьевская епархия. Поросье, кроме городов, укреплено было и валами, остатки которых сохраняются и по сие время. Но этих укреплений, как показывает летопись, было недостаточно, и половцы нередко прорывались севернее по направлению к Киеву и опустошали его окрестности. Поэтому князья старались укреплять и старинную пограничную линию, по р. Стугне, которая тянулась как раз по границе лесной и степной полосы, несколько севернее линии Роси. Здесь также имеются в настоящее время остатки валов.

Таким образом, вы видите, что на запад от Днепра пределы русской оседлости близко держались границы лесной области. Если русское население выдвигалось несколько южнее лесной области, то полосами и, опять-таки, под защитой лесов, пересекавших степь в разных направлениях.

На восток от Днепра главная укрепленная линия шла также от границ леса. Ее составляли города по р. Суле, берега которой были также покрыты лесом. Эту линию укреплял еще Владимир Святой. То же делали и его преемники. Леса, тянувшиеся по берегам Псела и Ворсклы, дали возможность русскому населению уже в XII в. выдвинуться южнее этой укрепленной линии. Но успехи в этом направлении были невелики и ограничивались постройкой нескольких городов, которые были как бы форпостами русской оседлости. Из таких городов известны по летописи Лтава на р. Ворскле и Донец на р. Удах, недалеко от впадения в Донец Северский. Это тот самый Донец, куда бежал Игорь Святославич из плена. Быть может, остатками этих городов являются многие городища по р. Пселу и Ворскле, упоминаемые в книге Большого Чертежа и в разных актах XVII в. Р. Ворскла и ее приток Мерль, по видимому, были крайней линией русской оседлости, за которой начинались уже половецкие кочевья. «Того же лета (1174 г.), – читаем в летописи, – Игорь Святославич совокупи полки свои и еха в поле за Ворскли и сrete половцы, иже ту ловять языка»⁴⁰.

Это известие указывает, что на Ворскле было русское население, среди которого половцы и старались добыть «языка». «Изгнаша е, – продолжает летопись, – и поведи ему колодник, оже Кобек и Концак шле к Переяславлю. Игорь же, слышав то, поеха противу половцем и перееха Ворскол у Лтавы к Переяславлю и узрешася с полки половецкыми»⁴¹. Видно, таким образом, что, хотя на Ворскле и существовало русское население, но половцы не останавливались здесь и старались прорваться далее к северу. Очевидно, что население было здесь незначительное, сел и городов было немного, и половцам было мало здесь поживы. В 1183 г. князь Игорь, собрав северских князей, пошел на половцев: «да яго бысть за Мерлом (приток Ворсклы) и сретеса в половци»⁴². Южнее по р. Орели были уже кочевья половцев, как это видно из известной летописи о взятии половецких веж «на угле рече», т. е. р. Орели, в 1170 г.

По р. Донцу в старину тянулись леса, и особенно лесистой была местность, где берут начало Донец, Псел, Сейм и р. Сосна, впадающая в Дон с правой стороны. Под защитой этих лесов ютилось население Курского княжества. Р. Донец, от впадения в нее Уды, можно

⁴⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 387.

⁴¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 387.

⁴² Летопись по Ипатскому списку. С. 427.

считать продолжением пограничной линии русской оседлости. Дальнейшим продолжением была р. Быстрая Сосна, на которой были селенья Рязанской земли. Здесь находился рязанский пригород Елец и села. Никоновская летопись рассказывает под 1156 г.: «Приходиша половцы на Рязань, на Быструю Сосну, и многих пленивше, идоша во свися»⁴³. Отсюда население спускалось по Дону и Воронежу на юг. Мы имеем указания, что по р. Воронежу были города, из которых один известен по имени. Это – Воронеж или Воронеж. Когда в 1177 г. Всеволод Суздальский разгромил Рязань и посадил в тюрьмы ее князей, то один из них, Ярополк Ростиславович, убежал на Воронеж, «и там перехозаше из града в град»⁴⁴. Что эта область принадлежала Рязани, видно из того, что Всеволод требовал выдачи князя Ярополка у рязанцев, что они и исполнили. На существование городов и поселений в этой местности указывает и тот факт, что рязанские князья в 1237 г., при появлении татар, поехали против них «в Воронеж». Впоследствии, в конце XIII в., из этой области небольшая часть составила Липецкий удел, князья которого упоминаются в Воскресенской летописи под 1284–1285 гг. Бассейн р. Воронежа в старину был покрыт лесом, а потому весьма естественно встретить здесь русское население. Но есть данные, указывающие, что рязанские поселения шли гораздо далее на юг, в область притока Дона, р. Хопра. Никоновская летопись под 1148 г. сообщает: «Князь же Глеб Юрьевич иде к Рязани, и быв во градах Червленого Яру, и на Велицей Вороне, и паки возвратися к Черниговским князем на помощь». Червлёный Яр – приток Дона с левой стороны, между Битюгом и Тихой Сосной; Великая Ворона – правый приток Хопра. Русское население держалось здесь и в XIV в., как видно из грамоты митрополита Феогноста 1353 г. Но тогда оно уже находилось под непосредственной властью татар, – и митрополит поэтому посылал свое благословение «к баскаком, сотником, и к игуменом и к попом и ко всем христианом Червленого Яру, и ко всем городом по Великую Ворону»⁴⁵. Что ранее это население тянуло к Рязани, на это указывает и решение митрополита, что эта область должна принадлежать по старине к Рязанской епархии, а не к Сарайской, возникшей в 1261 г. Если мы припомним опять, что и по Хопру, и по Битюгу в старину были леса, мы поймем присутствие здесь русского населения. Р. Червлёный Яр и Ворону мы должны, следовательно, считать дальнейшим продолжением пределов русской оседлости со стороны половецких кочевий. Но, по всем данным, русские города и села, как на верхнем Дону, так и по Воронежу, Червленому Яру и Великой Вороне были, опять-таки, только передовыми поселками, далеко выдвинувшимися в степь от главной массы населения, которая сосредоточивалась на лесистых побережьях Оки и ее притоков. Если вы взглянете на карту Рязанского княжества в XII и XIII вв., вы найдете большинство его городов и селений именно в этой последней области. К северу от верховьев Вороны начинался лесистый бассейн р. Цны и Мокши, где жила мордва и куда еще не простиралась русская колонизация в рассматриваемое время. Вот в общих чертах граница южной оседлости русского населения.

Из сказанного вы можете видеть, в какой степени лес обуславливал распределение русского населения по нашей стране при господстве печенегов, торков и половцев на юге. Главная масса русского населения держалась в лесной полосе. В степь выдвигались укрепленные селения, опять-таки под защитой лесов, тянувшихся по течениям рек. Эти укрепленные селения были своего рода форпостами, передовыми пунктами русской колонизации, в которых ютилось русское население окраин. Вы видите, таким образом, тот же самый порядок вещей, который существовал и позднее, при господстве татар. И тогда главная масса населения сосредоточивалась в лесной области, а в степной Украине разбросаны были редкие укрепленные поселения под защитой приречных лесов и болот. И тогда для обеспечения

⁴³ ПСРЛ. Т. IX (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). С. 207.

⁴⁴ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). С. 6.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. IX. С. 177.

защиты более или менее открытых мест приходилось, как и в рассматриваемое время, проводить непрерывные укрепления – валы и засеки. Сходство в условиях порождало одинаковые жизненные явления, как при господстве половцев, так и при господстве татар на юге нашей страны. К этим явлениям надо отнести и бродников рассматриваемого времени, которые были прототипом позднейших казаков. (Самое слово «казак» по смыслу своему близко стоит к слову «бродник»; и весьма вероятно, что одно из них – перевод другого. Слово «казак» занесено уже в половецком словаре в значении передового стража, передового бойца, человека, которого можно встретить впереди остальной массы.)

В полосе степи, ближайшей к лесной области, как мы видели, так или иначе держалось оседлое население. Правда, существование его не было обеспечено, оседлость часто подвергалась разорению, и населению приходилось уходить из насиженного места. Но, в общем, все-таки оседлая жизнь была не невозможна. Но чем дальше в степь, чем ближе к половцам, тем меньше лесов было для устройства постоянной оседлости. Между тем много было причин, которые влекли русских людей в степь, в сожительство с половцами. Главная причина – богатые звериные, рыбные и пчелиные угодья, или «входы», «ухожаи», как говаривали в XV и XVI вв. в Приднепровье. Степная область, перерезываемая в разных направлениях лесными полосами, едва ли уступала лесной области по богатству и разнообразию животного мира, скорее даже превосходила ее. В ней было более пастбищ для травоядных животных, и количество последних было не в пример значительнее, чем в лесной полосе. Здесь водились туры и дикие козы, и дикие лошади, и олени, и лоси, по прибрежным камышам, ольшаникам и ивнякам – дикие кабаны и т. д. Естественно, что наряду с этим и хищников, кормившихся за счет травоядных, было великое множество: волки, медведи, лисицы, рыси и т. д.

В приречных лесах водились и пушные звери: куницы, белки, бобры и т. д. В теплых водах степных рек водилось великое множество рыбы, которая сравнительно мало вылавливалась, мало мерла от духоты под зимним льдом, как в северной лесной области. Лица, наблюдавшие природу наших степей в XVI в., сообщают о рыбных богатствах степных рек вещи, которым теперь с трудом верится. Во время весеннего метания икры рыба в таких массах устремлялась на верховья степных рек и речек, что от тесноты и недостатка воздуха выпрыгивала на берег. В это время ее можно было наловить сколько угодно руками с берега. Значит, то, что в настоящее время бывает только в реках Охотского бассейна, в старину имело место и в степях Европейской России. Сюда нужно присоединить обилие гнезд диких пчел в каменистых крутых берегах некоторых степных речек или в дуплах деревьев, растущих по берегам степных рек. Если принять все это во внимание, тогда можно понять, что манило русских людей в степь, в соседство к поганым: они шли туда на промыслы. Многие так привыкли к степному приволью и раздолью, что оставались там на постоянное, хотя и не оседлое, житье, являясь в области оседлого русского населения в качестве случайных гостей для сбыта добычи. Весьма вероятно, что в рассматриваемое время, как и позднее, в степь уходили преступники от наказания, рабы – от господ, неоплатные должники – от кредиторов и разные другие, отбившиеся от семьи и общества люди, простолюдины-изгои, подобно тому, как уходили в эту же степь князья-изгои. К половине XII в. этого бродячего русского населения накопилось, по всем данным, довольно значительное количество, и оно, подобно позднему казачеству, начало играть известную роль в политических событиях нашей страны. В 1147 г. бродники приходили на помощь вместе с половцами к Новгород-Северскому князю Святославу Ольговичу, на которого поднялись великий князь Киевский Изяслав Мстиславич и Черниговские родственники – Давыдовичи. В 1190 г. бродники, ветвь русских, по свидетельству Никиты Акомината, вместе с куманами и болгарами нападали на Византию. Бродники участвовали и в Калкской битве (1224 г.) на стороне татар. Когда Мстислав Киевский и другие два князя окопались на месте после поражения русских ополчений и были окружены татарами, «ту же, – рассказывает летопись, – и бродницы быша старые и воевода их

Пласкыня, и той окоянный целовав крест ко князю Мстиславу и обема князема, яко их не избити и пустити их на искупе, и болтав, окаянный, предаст их связав татарам»⁴⁶. В начале XIII в. бродники стали известны на западе Европы как обитатели наших степей наряду с половцами. Поэтому папа Григорий к гранскому епископу писал в 1227 г.: «Мы удостоиваем дать тебе наше полномочие в землях Куманский и Бродникии, соседней с ней на обращение которых есть надежда, полномочие, по котором ты имеешь власть проповедовать, крестить и т. д.»⁴⁷. Бродники, по свидетельству венгерских монахов-миссионеров, участвовали в татарских опустошениях Руси и соседних с нею стран в 1240 и последующих годах. «И хотя они называются татарами, – пишут монахи, – но при их войске находится много злочестивейших христиан». Венгерский король Бела IV в письме папе Иннокентию называет этих «злочестивейших христиан» *brodnici*. Эти факты указывают на то, что бродячая жизнь в степях, вдали от оседлого русского населения, в близком соседстве и частом общении с тюрками-кочевниками, не проходила бесследно для этих отбившихся от родины русских людей. Они постепенно отчуждались от оседлой Руси и сближались со своими кочевыми соседями в своих привычках, образе жизни, симпатиях и стремлениях. В степи, таким образом, татарское кочевое население ассимилировало русские элементы в противоположность тому, что происходило на окраинах русской оседлости, где тюркские кочевые элементы ассимилировались с русским населением.

Итак, в нашей степной полосе шла не только непрерывная борьба, но и совершалась ассимиляция, точнее сказать, своеобразное слияние и переработка двух культур: славянско-оседлой и тюркско-кочевой. Этот процесс, весьма вероятно, шел параллельно с антропологической и культурной ассимиляцией, имевшей место в наших степях, выросло и самое имя казачества, и разные его установления и черты быта. Но самый процесс ассимиляции начался раньше, чем появилось имя «казак» в нашей истории и все, что связывалось с этим именем. Казаку в наших степях предшествовал его прототип и предок, от которого он шел по прямой линии, – это именно бродник XII и XIII вв.

⁴⁶ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897. С. 482.

⁴⁷ Pray G. *Annales regum Hungariae ab anno Christ! CMXC VII ad anum MDLXIV. Oleducti ac maximam partem ex acriptoris coaevi diplomatibus, tabulis publicie, et ikol genus literarie inatrumenrs congeeti opera et studio Georgii Pray. Vindobonal, 1764–1770. Vol. 1. P. 231.*

VI. Внутреннее размещение русского населения в XII и начале XIII в.

Зависимость распределения населения нашей страны от распределения по ней растительности в связи с соотношением речных систем – явление, наблюдаемое и при рассмотрении внутреннего размещения русского населения в древнейший период нашей истории. Общий характер этого размещения. – Размещение населения в окраинных областях, расположенных в переходной лесостепной полосе, именно: в Муромо-Рязанской земле (три группы), в Чернигово-Северской земле (три группы), в Переяславской (две группы), Киевской (три группы) и Галицкой (три группы). – Размещение населения в областях лесной части Европейской России. Новгородская земля. Группы поселений ее. Обособленность ее в целом от других русских областей. – Ростово-Суздальская земля; ее особенность и размещение в ней населения. – Смоленская земля; ее границы и размещение в ней населения. – Географическая обособленность Полоцкой земли и распределение по ней населения. – Турово-Пинская земля: ее города. – Земля Волынская: ее границы, размеры населения и города.

Физическое, пространственное разобщение различных групп русского населения описываемого времени – факт, из которого вытекали некоторые важные особенности древнерусской жизни: политическая рознь в Древней Руси, отсутствие политического единства, деление по землям и княжествам. Распад начавшего было в X в. складываться государственного союза под властью великого Киевского князя. Выступление отдельных «земель». Мнение в нашей, исторической литературе, что «земли» есть не что иное, как племенные союзы. Данные, указывающие на неправильность этой теории. Мнения по этому вопросу С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Географический фактор, действовавший при образовании земель вместе с политическим.

Пределы русской оседлости при господстве в южных степях нашей страны печенегов, торков и половцев установились, как мы видели, в зависимости от чисто естественных условий нашей страны – от известного распределения растительности. Русская оседлость кончалась там, где кончались более или менее значительные леса и начиналось царство степи. Распределение же растительности в связи с соотношением речных систем определило и внутреннее размещение русского населения в древнейший период нашей истории. Это размещение не было равномерным: русские селения были раскиданы известными группами, как бы островами среди степей, лесов и болот.

В окраинных областях, расположенных в переходной лесостепной полосе, русское население, как по роду своих занятий (земледелие, охота, бортничество и рыбная ловля), так и по требованиям безопасности должно было придерживаться приречных лесов. Благодаря этому русские селения в этих областях размещались известными группами. Так, в Муромо-Рязанской земле большая часть населения сосредоточивалась по лесистым прибережьям Оки. Здесь были и главные города этой земли: Муром, Рязань, Переяславль, Коломна, Пронск. Другая группа русских селений этой земли сосредоточивалась на верхнем Дону и его притоках – Сосне и Воронеже – под защитой здешних лесов. Средоточиями ее были города Елец и Воронеж. Наконец, третья группа, далее других выдвинувшаяся в степь, держалась на р. Червленом Яре, Великой Вороне тоже под защитой тамошних лесов.

В соседней с Муромо-Рязанской землею, земле Чернигово-Северской, население сидело двумя группами. Главная масса населения держалась на Десне и Сейме под защитой леса. Здесь находились и главные города этой земли: Чернигов, Новгород-Северский, Стародуб, Трубчевск, Брянск, Путивль, Рыльск и Курск. Другая группа – вятичи – ютилась

в лесах верхней Оки и ее притоков. В рассматриваемое время здесь пока еще не было значительных городов, но позже, после нашествия татар, здесь появляется целый ряд городов, ставших резиденциями нескольких княжеств. Наконец, небольшая часть населения держалась на верхнем Донце под защитой тамошних лесов. Средоточием этого населения был город Донец недалеко от впадения р. Уды в Донец Северский.

В земле Переяславской население сосредоточивалось, главным образом, по берегу р. Сулы под защитой лесов и многочисленных городов, построенных здесь со времен Владимира Святого и Ярослава. Кроме того, как мы уже видели, русские селения были по берегам Псела и Ворсклы. В Киевской земле население ютилось, во-первых, в Припятском Полесье, а затем по Тетереву, Ирпени, Стугне, в Поросье и, наконец, по берегу Днестра под защитой тамошних лесов и построенных городов. В Галицкой земле большая часть населения группировалась в предгорьях Карпат, по р. Днестру и его притокам. По данным 1890 г. около 26 % всей территории Галиции находилось под лесом, особенно большие леса находятся именно по склонам Карпат и их предгорьям. В старину, надо полагать, лесов на верхнем Днестре было еще более. Поэтому естественно, что именно в этой, наиболее укрепленной природой местности группировалось преимущественно население Галицкой земли. Средоточиями его были города Галич, Звенигород, Теребовль, Каменец и др. Другая группа населения утвердилась по р. Сану и его притокам; средоточием ее были города Ярославль, Перемышль и Санок. В конце XII и начале XIII вв. населилось и Понизье, т. е. область верховья Южного Буга, где под защитой тамошних лесов возникло несколько городов. Эти города были как бы форпостами русской оседлости в Галицкой земле, наиболее выдвигались в степь, наименее были обеспечены от нападения кочевников. Едва ли поэтому можно предполагать в них значительное население.

Так же, т. е. группами, островами, раскидалось русское население и к северу от переселенных земель в лесной части Европейской России. Эта часть и в старину, как и теперь, была одета неравномерно лесной растительностью. В некоторых местностях тянулись крупные черные и красные леса; в других господствовала мелкая лесная поросль и существовали болота и степные оазисы. Густые, непроходимые леса в старину, как и теперь, находились преимущественно на верховьях рек, на разделах речных бассейнов; мелкая лесная поросль тянулась по низменным берегам рек; тут же чаще всего встречались луга и пастбища. Сообразно с этим и русское население должно было располагаться по стране оазисами. Для земледелия и скотоводства скорее всего можно было воспользоваться землями, поросшими мелкоколесьем, которое легче было выдрать, вычистить и выжечь, чем крупный лес. Притом же и та почва, на которой произрастало мелкоколесье, почва речных низин, покатаая в большинстве случаев, оказывалась более годной для земледелия, чем почва, поросшая крупными лесами, почти чистая глина или чистый песок. Густые лесные заросли и оставались обыкновенно пустыми незаселенными полосами. Эти полосы отделяли друг от друга области или земли, лежавшие в лесной части Европейской России, и разбивали на несколько групп населения в пределах некоторых из этих земель. Это распределение населения по группам сохранилось еще и теперь. Возьмем, например, водораздел рек, текущих в Северный Ледовитый океан, и водораздел Волги, и мы увидим, что здесь и в настоящее время население крайне редко, тем более в старину. Вот эти лесные полосы водоразделов и отделяли несколько групп населения в лесных областях, разделяя и самые группы. Карты древнерусских земель вполне подтверждают это наблюдение.

Мы начнем свое обозрение с Новгородской земли. Ядро этой земли составила группа славянских поселков, раскинувшихся около озера Ильмень и по рекам его системы. Кроме самого Новгорода, здесь находились его пригороды: Ладога, Руса, Великие Луки и др. Благодаря тому, что р. Шелонь близко подходит к озеру Псковскому и р. Великой, к этой группе славянских поселков тесно примкнула другая группа славянских поселков, около Чудского

озера, во главе которых находился сначала Изборск, а потом Псков, сделавшийся младшим братом Новгорода Великого. Из Новгорода славянская колонизация распространилась далее на восток, юго-восток и северо-восток. Вследствие того, что рр. Мета и Сясь с Тихвинкой близко подходят к притокам Волги – Тверце и Мологе с Чагодошей, новгородцы образовали группу селений на этих реках и даже южнее, на правых притоках Волги. Одна группа новгородских поселков возникла на р. Тверце; средоточием ее стал Торжок, пригород Новгорода Великого. В связи с этой же группой находим новгородские селения, тянувшиеся южнее по Волге, ее притоку Шоше и притоку последней – Ламе. Крайним из этих селений был Волок Дамский. Другая группа новгородских поселков возникла на р. Мологе по ее верхнему течению; средоточием ее был пригород Новгородский – Бежичи. Итак, видно, что основная группа поселений Новгородской земли сосредоточивалась около озера Ильменя; другая – около Чудского озера; третья группа – по Мологе, Тверце, Шоше, Ламе и др. Между всеми этими группами лежали лесные и болотистые пространства, так что эти группы не сливались. Затем мы видим, что уже в XII в. Новгородская колонизация разбросалась редкими поселками на Севере, именно: по р. Луге, по южному берегу Ладожского озера, по Сяси, Паше и Олонке, впадающих в Ладожское озеро, по р. Водле, Онеге с Мошею, по Двине и ее притокам Емце и Ваге с Вельею с левой стороны, Пинеге и Тайме с правой, и по р. Сухоне. Таким образом, населенные славянами местности лежали в Новгородской земле оазисами, полосами, отделяясь друг от друга лесными и болотистыми пустырями, в которых с прибытием русских колонистов пряталось обыкновенно малочисленное финское население. Из этих оазисов и полос совершалось дальнейшее расширение славянской колонизации по окрестным местностям. Тут было около 40 погостов, которые перечислены в уставе Ярослава «О мостех» и церковном уставе Святослава Ольговича 1137 г. Если мы обратим внимание на Новгородскую область в целом, то увидим, что она представляла собой нечто особенное от других русских областей громадными лесами, озерами и болотами. Таковы леса, озера, болота Финляндии; леса, болота и озера на водоразделах бассейнов Чудского озера и Ильменя с одной стороны, Западной Двины с другой; леса по Северным Увалам или водоразделу Северной Двины и Волги, по р. Вычегде и р. Печоре.

Такую же обособленную полосами больших лесов область представляла из себя и Ростово-Суздальская земля, поселки которой сосредоточивались главным образом в бассейне Клязьмы, по берегам Москвы-реки и Волги, от устья Тверцы до устья Оки. С востока ее окружала полоса густого дремучего леса по р. Унже и Ветлуге; остаток этого леса сохранился и поныне в Ветлужском крае. С севера от новгородских поселков, по р. Сухоне ее отделяла широкая лесная полоса, и поныне тянущаяся на так называемых Северных Увалах, т. е. на водоразделе бассейнов Волги и Северной Двины. На западе Ростово-Суздальскую землю обособлял, во-первых, большой лес и болота, и поныне существующие в восточной части Новгородской губернии между Молотой и Шексною. Этот лес и болота продолжались южнее – по нынешним уездам Весьегонскому, Бежецкому и Тверскому. Во-вторых, знаменитый Оковский лес, лежавший на верховьях Волги. От Смоленской и Чернигово-Северской земель ее отделяла лесная полоса, составлявшая продолжение знаменитых Брынских лесов и тянувшаяся через верховья Протвы, Нары и Москвы-реки. Остатки их видел еще Герберштейн, на что он указал в описании своего путешествия из Смоленска в Москву. На юге Ростовско-Суздальская земля окаймлена была лесной полосой, остатком которой являются леса Серпуховского и Коломенского уездов Московской губернии и Егорьевского уезда – Рязанской губернии; продолжением этой полосы были знаменитые Муромские леса. Заселение Ростово-Суздальской земли началось со степных оазисов, лежавших в бассейнах Клязьмы и Волги (Юрьево поле, Угличе поле и др.). На этих оазисах и поблизости от них появляются древнейшие города и селения Ростово-Суздальской земли; местности, более отдаленные от этих оазисов, населены были позднее.

Смоленская земля на востоке отделялась от Суздальской земли, как мы уже видели, лесной полосой, составлявшей продолжение Брынских лесов. Болота и леса, остатки которых и по сие время существуют на верховьях р. Десны и ее притока Болвы в Мосальском и Жиздринском уездах Калужской губернии, и затем лес, находящийся на водоразделе Десны и Сожа, отделяли Смоленскую землю от Черниговской. С запада Смоленскую землю окаймляли болота и леса по берегам р. Друти. Далее леса, болота и озера в восточной части нынешней Витебской губернии. На севере от Новгородских владений Смоленскую землю отделял Оковский лес и примыкавшая к нему лесная полоса в нынешнем Ржевском и Зубцовском уездах. В намеченном пространстве Смоленской земли население размещалось не сплошь, а также группами. Главная, наибольшая группа поселков располагалась по р. Днепру и его притокам. Другая группа поселков располагалась на р. Москве и по левым притокам Угры; средоточием ее был город Можайск. Четвертая группа поселков располагалась по верхней Десне и ее притокам; здесь был г. Рославль; и, наконец, пятая группа селений находилась на верхнем Соже и его притоках; здесь главным городом был Мстиславль. Такое размещение населения по группам было готовым основанием для удельного деления, и мы видим, что группа смоленских поселков, наиболее изолированная, и именно по верхней Двине и ее притокам, очень рано выделилась в особенное княжество – Торопецкое.

Географическая обособленность Полоцкой земли выступает с еще большей очевидностью, чем географическая обособленность Смоленской земли. С севера Полоцкая земля отделялась от Новгородской полосой озер, болот и леса, которая тянется по северной окраине нынешней Витебской губернии. Такая же полоса, тянущаяся в Режецком и Люцинском уездах Витебской губернии на западе ее, отделяла Полоцкую землю от области Ливи и Летьголы. Леса и болота по Десне, верхней Вили и по правому берегу верхнего Немана отделяли Полоцкую землю от Литвы. На юге Пинские болота и леса Полесья отделяли Полоцкую землю, частью от ятвягов, частью от Турово-Пинской земли. Восточную кайму, отделявшую Полоцкую землю от Смоленской, мы уже видели. И в Полоцкой земле население распределялось оазисами. Наибольшее количество поселков раскидано было по Двине и ее притокам; средоточием их в древнейшее время были Полоцк и Витебск. Другая группа поселков располагалась на верховьях р. Друти вокруг г. Друцка. Третья группа поселков располагалась по верхней Березине и Свислочи и их притокам, здесь главными городами были Минск, Изяславль, Логожск, Свислочь. Наконец, четвертая группа поселков, образовавшаяся позднее других, находилась по правым притокам Немана в ближайшем соседстве с Литвою и ятвягами. Здесь были города Новгородок, Волковыйск, Слоним и Городно. Это размещение населения, так же как и в Смоленской земле, сделалось основанием при делении на княжения.

Славянское население проникло по р. Припяти в лесную и болотистую дебрь, известную под именем Полесья, и на возвышенных пригорках по р. Припяти и ее притокам основало целый ряд поселков. Так образовалась земля Турово-Пинская, или земля Дреговичская. Главными ее средоточиями сделались города Туров, Пинск, Слуцк, Клецк и Дубровица. Группа поселков Турово-Пинской земли отделялась ото всех соседних областей непроходимыми лесами и болотами, и только с землей Киевской имела тесное общение благодаря Припяти. Вот почему ранее своего обособления эта область принадлежала к Киевскому княжеству.

Последней из земель, лежавших в лесной полосе, была земля Волынская. От Киевской земли она обособлялась знаменитым Чертовым лесом, от Турово-Пинской области – лесами, остатки которых тянутся по северной половине нынешней Волынской губернии и составляют так называемое Волынское Полесье. С севера Беловежская Пуща отделяла волынские селения от ятвягов и полоцких поселков. Между Западным Бугом и Вислой Волынская земля соседствовала уже с Мазовией и Польшей, причем граница шла отчасти по Мазовецкой пуше,

отчасти по р. Вепрю. Волынские селения разбросаны были главным образом в южной части, менее лесистой, нынешней Волынской губернии, по верхнему течению р. Случи, Горыни, Стири, Западного Буга и их притоков. Здесь были и главные города Волынской земли: Владимир, Луцк, Кременец, Дубно, Остро, Ровное, Новград-Волынский. Кроме того, по Западному Бугу русское население пробралось в ближайшее соседство к мазурам и ятвягам и образовало целый оазис поселков. Главным средоточием этого оазиса был город Берестье на Западном Буге при впадении Муховца; позже в конце XII и начале XIII в. здесь возникли города Бельск, Мельник и Дорогичин. Область эта, или земля Берестейская, позже, в XIII в., стала известна под именем Подляшья.

Итак, русское население размещалось в пределах своей оседлости, в древнейшее время группами, оазисами среди степей, лесов и болот. Это обстоятельство, можно сказать, недостаточно выдвинуто и оценено в нашей исторической литературе. А между тем им очень хорошо объясняются некоторые важные особенности древнерусской жизни, а именно: политическая рознь в Древней Руси, отсутствие политического единства, деление по землям и княжениям. Все эти явления вытекали из одного и того же основного факта – физического пространственного разобщения различных групп русского населения. У нас при изображении природы нашей страны принято обыкновенно упирать с особенной силой на равнинность страны, на отсутствие внутри ее естественных преград, что-де все способствовало образованию в нашей стране единого и тесно сплоченного государства. Нашу страну принято противопоставлять Греции, которая-де самой природой разбита на несколько частей и предназначена была к образованию в ней нескольких мелких государств. Все подобные объяснения и сопоставления грешат чересчур большой категоричностью. Правда, что наша страна имеет равнинный характер, но следует ли отсюда, что внутри ее не было никаких естественных преград для сообщения населения? Мы должны ответить на этот вопрос отрицательно. Наши дремучие леса и болотные трясины, тянувшиеся по водоразделам, или, как говорилось в старину, «волокам», в не меньшей степени разобщали различные группы русского населения, раскидавшиеся по стране, чем делали это пресловутые греческие горы с населением их долин. Это подтверждается и тем обстоятельством, что Русь прожила в политическом раздроблении долгое время, прежде чем сложилось в ней единство и тесно сплоченное государство. Значит, природа страны с самого начала нашей истории вовсе не содействовала образованию из Руси единого и тесно сплоченного государства, а наоборот, обрекла русское население на более или менее продолжительное время группироваться в мелких союзах, тяготеть к местным средоточиям, проникаться местными привязанностями и интересами, местными стремлениями.

Уже в X в. под властью Киевского князя стал было завязываться государственный союз всех восточных славян. Но скоро оказалось, что этот союз – преждевременное явление, и он быстро умер, как недоношенное дитя истории. Вместо него выступили отдельные «земли», которые оказались наиболее устойчивыми из политических соединений восточного славянства в первые века его истории. Но что это за «земли», как оно произошло и какие основания легли в основу этого деления Руси?

По этому вопросу в нашей исторической литературе было высказано сначала мнение, что «земли» образовались из племенных союзов, что в основание деления «земли» легло племенное деление восточных славян. Такое мнение высказано было некогда М. П. Погодиным, поддержано и развито И. Д. Беляевым в статье «Русская земля перед прибытием Рюрика» и в «Лекциях по истории русского права» и Н. И. Костомаровым в статье «О федеративном начале в Древней Руси»⁴⁸. Но более внимательное изучение пределов древнерус-

⁴⁸ Беляев И. Д. Русская земля перед прибытием князя Рюрика в Новгород // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. 1850. Кн. VIII. С. 1–102; Беляев И. Д. Лекции по истории русского законода-

ских «земель» показало, что границы их не совпадают с пределами племен, что деление на «земли» пересекает племенное деление, вследствие чего на одно племя приходится по нескольку «земель» и, наоборот, на одну «землю» приходится по нескольку племен. Кривичи, например, жили в «землях» Полоцкой, Смоленской и отчасти Новгородской; с другой стороны, в земле Полоцкой, кроме кривичей, жила часть дреговичей (другая часть – в Турово-Пинской области), в земле Смоленской, кроме кривичей – радимичи, в земле Новгородской – ильменские славяне и т. д. Ясное дело, что русские земли не были племенными союзами, а чисто политическими. На это указывает и то обстоятельство, что и назывались они не по именам племен, а по именам главных городов: Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Ростово-Суздальская, Волынская, Галицкая, Киевская, Черниговская, Переяславская, Муромо-Рязанская. Ввиду этих данных покойный С. М. Соловьев нашел нужным таким образом видоизменить вышеприведенное объяснение происхождения земель. «Можно думать, – говорит он, – что первоначально границы земель соответствовали границам племен. Но с тех пор, как началась деятельность князей Рюриковичей, это совпадение границ было нарушено»⁴⁹. В. О. Ключевский полагает, что это имело место ранее деятельности князей Рюриковичей, которые застали земли уже сложившимися. Главными деятелями при этом были некоторые крупные города, которые соединили вокруг себя соседние пригороды и волости разных племен, так что уже до князей образовались разнородные политические союзы вокруг некоторых главных городов. Но во всех этих объяснениях недостаточно подчеркнут географический фактор, действовавший при образовании земель, т. е. не указано, что земли образовались из городов и сел, которые естественно, лесными пущами и болотными трясиными обособлялись в отдельные группы. Пределы земель намечены были до известной степени самой природой, а не были результатом случайных политических успехов главных городов земель или их князей. Что касается несовпадения границ земель с племенным делением, то этот факт, по всей вероятности, определился уже в самом первоначальном заселении нашей страны славянскими племенами. Другими словами, уже при первоначальном расселении славян некоторые племена раскидались в несколько групп, в несколько островов среди лесных и болотистых пространств, а с другой стороны, некоторые группы поселков образовались из нескольких племен. Таким образом, уже при самом расселении славян произошло некоторое разложение племенной организации, перетасовка племенного деления, на место старого выдвинулось чисто географическое, областное.

Этот факт можно подметить уже в самом перечне славянских племен, который дает нам наша Начальная летопись и современные ей иноземные источники. В этом перечне наряду с именами, которые являются, несомненно, племенным обозначением, как, например, хорваты, кривичи, северяне, дулебы, попадаются имена с чисто географическим смыслом: бужане (т. е. жители Побужья), волыняне (от г. Волыни), полочане (от р. Полоты и г. Полоцка), ленчичане, т. е. лучане (от г. Луцка – у Константина Багрянородного). Весьма вероятно поэтому, что количество славянских племен в начале нашей истории было меньше, чем можно насчитать их по перечню Начальной летописи и других современных ей источников, что в этом перечне одно и то же племя называется несколькими именами, смотря по местности, где оно расселилось. Вот почему и позднее мы не встречаем в русском народе такого племенного разнообразия, какое вправе были бы ожидать, если бы названия летописи и современных ей источников были все племенными, а не географическо-политическими обозначениями. Ведь в настоящее время мы знаем только три группы, три племени русского

тельства. М., 1888; Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале в Древней Руси // Собрание сочинений. СПб., 1903. Кн. 1. С. 3–30; Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846–1856. Кн. 4. С. 326–328.

⁴⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1895. Кн. 1. Т. III. С. 691.

славянства, это: великоруссы, малоруссы и белоруссы. Все дело в том, что то племенное разнообразие есть или недоразумение, или чисто искусственное создание.

VII. Влияние промыслов на размещение русского населения в древнейшее время и типы древнерусских селений

Условия земледелия в лесных областях: корчевание и пожоги леса, плодородие почвы и переложная система запашек. Разбросанность населения мелкими поселками и его подвижность как результат занятия земледелием в лесных областях. Звероловство и его первоначальное значение в народной жизни. Охотничьи угодья. Влияние звероловства на расселение русского народа. Влияние рыболовства и бортничества. Общий вывод.

С могучим влиянием природы мы еще более ознакомимся, если вникнем в хозяйственную деятельность русского народа, как она сложилась в древнейшее время в зависимости от естественных условий, и оценим ее влияние на расселение.

Славянские племена, как мы знаем, придя в нашу страну с привычками и знаниями земледельческого народа, принялись за обработку земли и на новой родине. В окраинных южных областях, где под пашню шли плодородные черноземные пространства, занятие земледелием само по себе не заставляло население разбрасываться, расселяться на дальние расстояния мелкими поселками. Другое дело – в лесной полосе. Здесь под пашню можно было сплошь и рядом расчистить только небольшой клочок земли, на котором можно основать только маленькое поселение. Другим земледельцам приходилось идти дальше, разыскивать другой такой же клочок земли и селиться особым поселком. Занятие земледелием в лесной полосе, таким образом, заставляло русское население раскидываться мелкими поселками на большом пространстве. Самые системы земледелия, которые практиковались на первых порах в лесной полосе, должны были разбрасывать население на далекие пространства. Эти системы были чисто экстенсивные, основанные на эксплуатации возможно большего пространства земли. В известном месте расчищался из-под лесной поросли участок, выдирались пни и корни и основывалась деревня, т. е. поселок с прилегающими пашнями и лугами. Население деревни, засевая расчищенную из-под леса землю, в то же время продолжало в свободное от полевых работ время «теребить» землю по соседству, т. е. расчищать ее из-под леса и кустарника. Эти «притеребы» и шли под новую пашню, когда старая истощалась. Старую оставляли залежать на несколько лет, пока она не набиралась силы, не отдыхала, как выражаются наши крестьяне. Обыкновенно старая пашня за это время успевала зарости мелким лесом, и ее вновь приходилось расчищать, хотя уже с меньшими усилиями, чем в первый раз. Кроме корчевания в ходу была и пожога леса. В известном месте валился лес, сжигался, и на «гари» или «опали», по-белорусски «дяди», заводилась пашня. Три-четыре года удобренная золой земля давала хорошие урожаи. После этого ее забрасывали и обращались к новому участку леса. Такая система земледелия, известная под именем подсечной, и до сих пор держится в наших северных губерниях. Вы поймете, что при таких условиях населению неудобно было селиться в тесном соседстве, а наоборот, приходилось отыскивать места для поселения подальше друг от друга, чтобы иметь вдоволь в окрестности никем не занятой земли. Но так как и при соблюдении всех вышеуказанных условий истощение почвы в данном месте наступало нередко, то населению деревни в полном составе или в части приходилось сниматься с насиженного места и отыскивать другое и т. д. «От этого сельское народонаселение, – говорит И. Д. Беляев в своей статье о земледелии в Древней Руси – было у нас самое подвижное, что доказывают и изумительные по своей многочисленности ряды пустошей, селищ и деревнищ, а также починков и поселков, свидетельствами о которых переполнены дошедшие до нас старые официальные памятники; так что при первом

чтении свидетельств о пустошах, деревнищах и селищах можно подумать, что мор, война и другие бедствия ежегодно опустошали русскую землю, тогда как на самом деле главной причиной такового множества пустошей и селищ был указанный древний порядок сельского хозяйства»⁵⁰. Но эта подвижность населения приводила все к тому же положению вещей, о котором было говорено выше: к разбросанности населения по огромной территории.

Такое же действие оказали и другие промыслы, которыми занялись русские славяне в Восточной Европе при известных данных ее природы, т. е. охота, рыбная ловля и бортничество.

Охота в народном хозяйстве нашей страны в рассматриваемое время имела громадное значение, едва ли уступавшее земледелию, если только не превосходившее его. Во-первых, охота доставляла нашим предкам пищу и в этом конкурировала с земледелием и скотоводством. Летописец, рассказывая по дошедшим до него преданиям о быте славянских племен до призвания князей, говорит о древлянах, вятичах и северянах: «древляне живяху зверинским образом... ядыху все нечисто... И радимичи и вятичи и север один обычай имяху: живяху в лесе, яко же всякий зверь, ядуще все нечисто»⁵¹. Можно вполне верить этим свидетельствам, потому что они подтверждаются фактами позднейшего времени. Несмотря на распространение христианства, русские люди не переставали употреблять в пищу мясо животных, которые по этой вере считались нечистыми. Лука Жидята в послании к новгородцам в 1086 г. убеждал их: «братие, не ядите скверна». В вопросах, предложенных Кириком епископу Нифонту, до 1156 г., находится, между прочим, известие, что «смерды по селам Новгородской волости били веверичину (белок)». Даже в великое говенье, по свидетельству митрополита Иоанна в послании к Иакову Черноризцу (до 1089 г.), русские люди ели мясо и скверное, например, медведину: митрополит рекомендует возбранять это, а виновных в ядении скверна выдавать митрополиту «у вине и казни». Дичина в большом изобилии подавалась на столах князей и зажиточных людей. У Владимира Святого на пирах «бываше множество от мяс, от скота и от зверины, бяше бо по изобилию от всего», – говорит летопись. В слове «О богатом и убогом», писанном в 1200 г., читаем: «тот богато на земли живяше... На обеде же службы бы многа, сосуди, златом сковани и серебром. Брашно много и различно: тетеря, гуси, жеравие, ряби, голуби, кури, зайци, елени, вепреве»... и т. д. Но дичи было везде много, так что ее хватало не только для богатых, но и для бедных. Особенно много было птиц, которых ловили тенетами или силками, сетями или перевесами, клетками; в летописях и других древних памятниках упоминаются лебеди, журавли, гуси, утки, чернеди, гоголи, тетерева, рябчики, коростели, перепела. Из крупной дичи водились туры, зубры, буйволы, лоси, олени, серны, дикие козы, вепри или кабаны (даже в Новгородской земле)⁵². Охота доставляла не только материал для пищи, но и для одежды в виде разнообразных мехов, которые частью шли для домашнего пользования, но большей частью сбывались на рынке и играли роль покупательных средств – денег.

Но если охотничья промышленность имела такое важное значение в экономической жизни русского народа, то этот факт непременно должен был отразиться известным образом на расселении его. Мы с уверенностью можем сказать, что занятие звероловством не позволяло русскому населению скучиваться в ограниченных пространствах, а влекло его к занятию возможно большего пространства. В поисках за зверьем русские люди проникали все далее и далее в лесную глушь и, найдя богатые звериные угодья и подходящее место для усадьбы или пашни по соседству с угодьями, оставались на нем на постоянное житель-

⁵⁰ Беляев И. Д. О поземельном владении в Московском государстве // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. 1851. Кн. 11. С. 1–82.

⁵¹ ПСРЛ. Т. I (Лаврентьевская летопись). С. 6.

⁵² Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 9.

ство. Я уже говорил вам о том, что в конце XI или начале XII вв. новгородцы раскидались 26 погостами в Обонежье и в Заволожье. Что привлекло их в этот суровый и неплодородный край? Ответ на этот вопрос дает тот же самый устав князя Святослава 1137 г., из которого мы узнаем об этих успехах новгородской колонизации. Оказывается, что привлекало сюда новгородцев пушистое богатство: назначая десятину с даней здешних погостов св. Софии, князь Святослав перечисляет сорочки мехов (по-видимому, куньих), которые шли отсюда св. Софии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.